

Тюмбер, *Тис*
тисовый
Пивонная.
Япония
1870

3521844

35218

ГЛАВА I.

ПЕРЕЪЗДЪ.

Вступленіе въ японское море. — Видъ Нагасаки. — Виды японскихъ береговъ. — Пролівъ Вандеръ-Каппеленъ и городъ Симонезеки.

Весною 1863 года правильныхъ почтовыхъ сообщеній между Китаемъ и Японіею еще не существовало. Лондонская полуостровная и восточная компанія сдѣлала въ видѣ опыта нѣсколько рейсовъ изъ Шангхая въ Нагасаки, изъ Нагасаки къ Иокогаму, въ заливѣ Іедо; только съ 1864 г. она организовала сперва одномѣсячное, потомъ двухмѣсячное сообщеніе, прямо изъ Шангхая въ Иокогаму то есть Ванъ-Дименовымъ проливомъ къ южной части большого острова Кіузіу. На слѣдующій годъ французская компанія *Messageries Impériales* учредила по тому же направленію одномѣсячное сообщеніе и стала такимъ образомъ конкурировать съ англійской компаніей.

35218 По прибытіи въ Шангхай, послѣ пяти мѣсяцевъ путешествія, въ теченіе котораго я посѣтилъ Каиръ, Бомбей, Цейлонъ, Батавію, Сайгонъ, Гонгконгъ, Кантонъ и Макао, я взялъ 6 апрѣля на небольшомъ торговомъ пароходѣ *Swallow*, въ 60 лошадиныхъ силъ, мѣсто до Нагасаки. Судно принадлежало англо-китайскому торговому дому Дентъ и Комп. и посылалось въ Японію въ надеждѣ продать его какому нибудь тамошнему князю.

Мы спустились по Вузонгу до соединенія его съ Янсекіангомъ, и ночь провели на якорѣ въ обширномъ рейдѣ, образованномъ устьемъ этой великой китайской рѣки.

7-го, по утру, мы вышли въ открытое море. Вѣтеръ налеталъ порывами и пренепрятно раскачивалъ наше суденышко, не имѣвшее никакого груза. Двое сутокъ плыли мы среди совершенно пустынныхъ волнъ, такъ что мнѣ невольно вспомнилось слѣдующее мѣсто изъ Олифанта: «Между Шангхаемъ и Нагасаки не болѣе 450 миль, но если бы даже цѣлый океанъ раздѣлялъ обѣ имперіи, то и тогда Японія не въ состояніи бы была болѣе уединиться отъ всего остального міра.»

Проснувшись до разсвѣта 9-го числа, я черезъ окошечко моей каюты замѣтилъ, при лунномъ свѣтѣ, округленныя или коническія верхушки нѣсколькихъ острововъ, составляющихъ передовые посты Японіи. Въ семь часовъ всѣ пассажиры столпились съ одинаковымъ нетерпѣніемъ на палубѣ, обернувшись къ востоку, гдѣ все яснѣе и яснѣе выдѣлялись изъ тумана горы Кіузіу. По мѣрѣ того какъ онѣ росли, у подножія ихъ показывались группы скалистыхъ острововъ. Скоро они окружили нашъ крошечный пароходъ, который, казалось, потерялся въ безвыходномъ архипелагѣ. Какъ вдругъ причаливаетъ къ намъ лодка съ шестью полунагими гребцами, сильными образчиками туземнаго типа. *Swallow* уменьшаетъ ходъ, и на палубѣ появляется, уже не знаю какимъ способомъ, одѣтый по европейски и говорящій по англійски лоцманъ, вѣроятно какой нибудь бѣглецъ съ береговъ Калифорніи. Капитанъ приглашаетъ его къ себѣ на верхній мостикъ. Мы огибаемъ справа большой лѣсистый и обработанный островъ Івоозиму, потомъ проходимъ между островами Каминозимой и Кагхеро, гдѣ подъ досчатыми навісами видны батареи для орудій большихъ калибровъ. Въ одиннадцать часовъ мы видимъ слѣва отвѣсныя скалы острова Такабоко, того самаго, который голландскія описанія называютъ Паленбергомъ, въ воспоминаніе жертвъ религіознаго гоненія 1622 года, низвергнутыхъ съ высоты этихъ скалъ въ море. Затѣмъ, мы минуемъ *Крисій* островъ и, наконецъ, войдя въ промежутокъ мысовъ Огами и Мегами, застроенныхъ укрѣпленіями, видимъ передъ собою весь нагасакскій

У НВ тн 692.

рейдъ. Онъ простирается на четыре мили въ длину, при средней ширинѣ въ одну милю. Самыя высокія горы возвышаются надъ нимъ отъ 4 до 600 футовъ. Именно: слѣва Иназатаке и справа отъ насъ—Кавара-іама; къ сѣверу отъ Нагасаки—Компира-іама, откуда открывается одинъ изъ лучшихъ видовъ въ свѣтѣ, къ востоку—Хоквазанъ и Хикозанъ. У подошвы послѣдней группы раскинулся городъ, въ глубинѣ залива, за мачтами стоявшихъ на якорѣ джонокъ. Стоянка иностранныхъ судовъ, какъ кажется, отведена влѣво и впереди туземныхъ. Мы сочли съ дюжину купеческихъ судовъ и одинъ военный корабль, принадлежавшій Россіи.

Въ сосѣдней бухтѣ, поодаль, стоялъ другой военный пароходъ, подъ національнымъ японскимъ флагомъ, изображавшимъ багряный дискъ на бѣломъ полѣ,—эмблему восходящаго солнца.

Внѣшность Нагасаки сильно измѣнилась за послѣдніе годы. На оконечности Акунорскаго предмѣстья возвышаются обширныя мастерскія для постройки и починки паровыхъ машинъ. Противъ, то есть направо отъ входа въ рейдъ, мы видимъ, не вдалекѣ отъ берега, французское консульство, англиканскую часовню, британское консульство, американское консульство, а пониже, вдоль берега—новый свободный кварталъ Омуру, застроенный домами и магазинами англійскихъ и американскихъ негодіантовъ; далѣе, старая китайская факторія, а влѣво—два небольшіе островка, соединенные съ японскимъ городомъ мостами, именно—островъ Синтци, складъ правительственныхъ таможенъ, и островъ Децима—мѣстопробываніе факторіи индійской нидерландской компаніи, также какъ и другія заведенія, принадлежащія торговымъ нѣмецкимъ и голландскимъ домамъ. Надъ ними развѣваются консульскіе флаги Пруссіи и Голландіи.

Я состоялъ подъ officialнымъ покровительствомъ послѣдней державы, а потому высадился въ Децимѣ, гдѣ былъ принятъ генеральнымъ консуломъ, г. Витомъ, который тотчасъ же отвелъ мнѣ помѣщеніе въ своей резиденціи. Такимъ образомъ, я началъ свое поприще въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ кончилась древняя исторія Японіи, гдѣ въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій поддерживались единственныя сношенія этой имперіи съ западнымъ міромъ. Жилище субинтендантовъ нидерландской факторіи и смѣнившихъ ихъ королевскихъ комиссаровъ занимаетъ серьезное значеніе въ лѣтописяхъ торговли и политики, географическихъ открытій и естественныхъ наукъ. И я присутствую, такъ сказать, при погребальной процессіи его прошлаго. Децима становится такимъ же свободнымъ кварталомъ какъ и Омура. Сношенія Голландіи съ Японіею теряютъ свой исключительный характеръ. Они перестаютъ зависѣть отъ правительства нидерландской Индіи, имѣющаго мѣстопробываніе въ Батавіи, и переходятъ подъ вѣдѣніе министерства иностранныхъ дѣлъ въ Гагѣ. Г. Витъ намѣренъ въ скоромъ времени вернуться въ Яву. Его преемникъ будетъ не просто уже торговый генеральный консулъ, но и политическій агентъ Нидерландовъ въ Японіи, учреждающій свою резиденцію, подобно представителямъ прочихъ западныхъ посольствъ, въ Іедо. Со времени заключенія новыхъ трактатовъ, все вниманіе иностранной дипломатіи сосредоточивается на этой столицѣ.

Нагасаки поэтому былъ для меня только станціей по дорогѣ въ Іедо; но мнѣ адресовали сюда депеши и цѣлый транспортъ багажа. Я посвятилъ цѣлые двѣнадцать дней для занятій исключительно дѣлами. Губернаторъ города попытался уговаривать меня, чтобы я пообождалъ спокойно хода событий, подъ эгидой его отеческаго управленія. Но когда я объявилъ ему свои намѣренія, онъ не рѣшился болѣе настаивать, и вообще нужно отдать ему справедливость: нигдѣ въ Японіи европейцы не пользуются болѣе неограниченной свободой, какъ въ районѣ ввѣреннаго его управленію добраго имперскаго города.

Какъ и всѣ путешественники, описывавшіе Нагасаки, я былъ въ восторгѣ отъ его мѣстоположенія и красоты его окрестностей. Восточные холмы, отведенные подъ кладбища и покрытые террасами и надгробными памятниками, — самыя очаровательныя изъ всѣхъ кладбищъ въ мірѣ. Самый городъ, съ своими деревянными постройками, не имѣетъ ничего въ себѣ монументальнаго, кромѣ развѣ большой гранитной лѣстницы, по которой поднимаются изъ нижняго города въ верхній, да каменнаго моста, переброшеннаго черезъ самый живописный изъ горныхъ потоковъ, которые то тамъ, то здѣсь нарушаютъ однообразіе городскихъ улицъ. Постройку моста приписываютъ португальцамъ. Они имѣли завидное счастье быть во всемъ восточномъ мірѣ піонерами великаго дѣла колонизаціи англо-германской расы. Населеніе Нагасаки простирается, какъ говорятъ, до 80,000 душъ. Художественная сторона произведеній его промышленности, на мой взглядъ, крайне сомнительна. Оно гонится за разнообразіемъ и жертвуетъ своеобразными оттѣнками грубымъ интересамъ поживы. Европейское заведеніе занимаетъ второе мѣсто въ числѣ портовъ, открытыхъ до сихъ поръ трактатами. Въ настоящее время самымъ важнымъ считается Іокогама, замѣнившій собою Канага-

ву, но вѣроятно онъ уступить первенство Хіого и Осаки, когда оба эти важные города сдѣлаются доступными торговлѣ Запада. Въ свою очередь, Нагасаки не останется на той же точкѣ. Уже готовы на бумагѣ очень красивые планы, по которымъ уступленные иностранцамъ земли на островѣ Децимѣ и на южномъ берегу залива должны быть дополнены и соединены между собою набережными, такъ чтобы образовать непрерывную линію, головною частью которой будетъ Децима. Тогда, при входѣ на рейдъ, передъ глазами путешественника раскинется обширнымъ полукругомъ весь европейскій городъ съ своими изящными домами и обширными магазинами изъ тесаного камня, справа и впереди стараго японскаго города, деревянныя строенія котораго возвышаются амфитеатромъ на покатосяхъ холмовъ. Но можетъ случиться и такъ, что рано или поздно Нагасаки встрѣтитъ соперника въ какомъ нибудь другомъ коммерческомъ городѣ острова Кіузіу, хотя бы напримѣръ въ томъ случаѣ, если бы князь Сатсума объявилъ для иностранцевъ (отчего онъ повидимому не прочь) столицу своихъ владѣній Кагозиму, въ заливѣ того же имени, по близости Ванъ-Дименова прохода.

Между тѣмъ прибылъ и военный корабль нидерландскаго королевскаго флота, который долженъ былъ отвезти меня въ Йокогаму, и я переселился на него 19 апрѣля вечеромъ. Это былъ паровой винтовой, 14-пушечный корветъ *Вице-Адмиралъ Коопманъ*, подъ командою г. Ж. Е. Бюйса. Для входа въ заливъ Іедо онъ избралъ путь внутренняго моря.

20-го *Коопманъ* снялся съ якоря въ 5 часовъ утра, вышелъ изъ Нагасакаго залива и, достигнувъ открытаго моря, повернулъ къ сѣверу съ цѣлью обогнуть западные берега острова Кіузіу.

Переѣздъ изъ Нагасаки въ Йокогаму считается въ 712 морскихъ англійскихъ, или 178 географическихъ миль, по кратчайшей линіи, то есть океаномъ, плывя сперва на югъ, а потомъ на сѣверо-востокъ, по выходѣ изъ Ванъ-Дименова пролива.

Тотъ же переѣздъ заключаетъ въ себѣ 740 морскихъ англійскихъ, или 185 географическихъ миль, если ѣхать внутреннимъ моремъ, куда входятъ обогнувъ сѣверный мысъ Кіузіу и углубившись къ востоку въ проливъ Ванъ-деръ Кепеллена.

Такимъ образомъ разность между двумя путями составитъ 28 морскихъ миль въ пользу того, что я назову наружною линіею, не считая удобства этого пути, допускающаго безостановочную навигацію днемъ и ночью, между тѣмъ какъ теперь плаваніе по внутреннему морю прекращается съ наступленіемъ ночи. На этомъ основаніи, парусныя суда предпочитаютъ юго-восточный проходъ, черезъ Ванъ-Дименовъ проливъ. Здѣсь также они подвергаются меньшему риску встрѣтиться со штилемъ, чѣмъ въ закрытыхъ иногда высокими берегами бассейнахъ средиземнаго Японскаго моря. Последнее удобно только для паровыхъ судовъ. Они находятся здѣсь въ большей безопасности нежели въ наружныхъ моряхъ, которыя подвержены вдоль линіи береговъ внезапнымъ шкваламъ, порывамъ береговыхъ вѣтровъ, а порою и весьма сильному дѣйствию теченій.

Въ первыя сутки нашего переѣзда сѣверный вѣтеръ и сила холоднаго теченія, идущаго отъ Курильскихъ острововъ черезъ Сангарскій проливъ, протекающаго Японскимъ моремъ въ Корейскій каналъ и омывающаго западные берега Кіузіу, заставляли нашего командира идти подъ всѣми парами, ради только того, чтобы насъ не отнесло назадъ. Парусное судно принуждено было бы выйти въ открытое море и, лавируя, поджидать болѣе благоприятнаго вѣтра.

Препятствія, которыя представляетъ плаваніе вдоль западныхъ береговъ Японіи, а также и храбрость жителей имперіи, не мало содѣйствовали къ предохраненію ея въ тринадцатомъ столѣтіи отъ нашествія монголовъ.

Позже, когда политика ея правительства запретила европейцамъ доступъ въ Японію, надобно было открытіе мореплаванія при помощи паровъ, чтобы возстановить дружескія сношенія и торговлю этой страны съ Западомъ. Трактаты, заключенные тайкуномъ съ Соединенными Штатами, Голландіей, Россіей, Англіей, Франціей, Португаліей, Пруссіей, Швейцаріей, а впоследствии съ Италіей, Бельгіей и Даніей, связаны дѣйствительно съ появленіемъ, въ 1853 и 1854 г., паровой эскадры командора Пери въ Іедскомъ заливѣ.

Видъ береговъ Японіи, издали, напоминаетъ въ нѣкоторомъ родѣ окаменѣлое море; онъ представляетъ верхушки горныхъ цѣпей, за рѣдкими исключеніями, не прѣвшающія уровня отъ 6 до 700 метровъ и походящія на очертанія валовъ.

По мѣрѣ приближенія къ берегу, на однообразномъ фонѣ начинаютъ отдѣляться отчетливѣе нѣкоторыя фигуры. Тутъ поднимается островокъ — совершенно пирамидальный, или массивный конусъ въ видѣ сахарной головы; тамъ — скалистый островъ, будто нарочно высѣченный прямоугольными ли

ниями. Извилистыя дуги почти не встрѣчаются на горизонтѣ. Только очень немногіе изъ острововъ имѣютъ округленную форму.

Преобладающій цвѣтъ пейзажа — мрачные оттѣнки: со всѣхъ сторонъ вы видите отвѣсныя темныя скалы, стоящія стѣной надъ глубокимъ моремъ и образующія какъ бы пьедесталъ для группъ сосенъ, кедровъ и прочихъ деревьевъ съ ярко-зелеными листьями, или сплошь заросшія лѣсомъ, или совершенно голыя и гладкія, какъ мраморъ острова; прибрежная печальная низменность, воздѣланное поле, встрѣчаются какъ исключеніе. Только тогда, когда вы проникните въ широкіе и глубокіе заливы, скрытые мысами и пустынными островами, передъ вами сразу возстаетъ картина обработанной природы и привлекательной цивилизаціи.

Снаружи Японія сурова и негостепримна, какъ скалистая крѣпость, защищенная линіей бурновъ; сама страна точно желаетъ оттолкнуть всякаго кто попытается къ ней пристать.

Мы ни разу не теряли изъ виду гористыхъ береговъ Кіузіу. Ихъ окоймляютъ лѣсистые острова и базальтовыя скалы, изъ которыхъ двѣ сливаются въ одинъ сводъ и образуютъ отличныя морскія ворота.

Слѣва тянется группа острововъ Гото. Въ четыре часа пополудни мы проходимъ между островами Икутски и Фирадо — мѣстопробываніемъ первыхъ торговыхъ заведеній голландскихъ и португальскихъ въ Японіи. Вѣтеръ усиливается и пароходъ нашъ торопится достигнуть якорной стоянки Таскѣ, на сѣверо-восточномъ берегу Фирадо. Два туземные лоцмана, отданныхъ нагасацкимъ губернаторомъ въ наше распоряженіе, увѣряютъ, что Таскѣ — одинъ изъ лучшихъ портовъ въ этой мѣстности. Они останавливались въ немъ не разъ съ каботажными джонками. Они заслуживаютъ полного довѣрія, потому что головой ручаются, что мы останемся довольны ихъ рекомендаціей. Но вскорѣ обнаруживается, что въ ихъ расчетахъ отсутствуетъ и условіе теченія и условіе пространства, необходимаго для движеній большого парохода. Входъ въ гавань засоряется островкомъ и подвижными камнями; лотъ указываетъ, что мѣсто для якорной стоянки отыщется не безъ труда. Наконецъ, со всѣми необходимыми предосторожностями, мы становимся на ночлегъ, въ сообществѣ около тридцати джонокъ и въ виду деревни, гдѣ долго еще раздается лай собакъ и человѣческіе голоса, которые перекликаются другъ съ другомъ.

Въ одномъ часѣ разстоянія къ югу отъ Таскѣ расположенъ городокъ Фирадо; въ немъ считается до двѣнадцати тысячъ жителей, живущихъ главнымъ образомъ каботажною торговлею и китобойнымъ промысломъ.

Спекскій каналъ, получившій имя отъ одного изъ прежнихъ управителей голландской факторіи въ Децимѣ, омываетъ восточный берегъ острова Фирадо и западной — острова Кіузіу, включая сюда же небольшой промежуточный архипелагъ, называемый группою девяносто-деяти острововъ. Этотъ путь усѣянъ мелями и находится подъ дѣйствіемъ чрезвычайно сильнаго морскаго теченія съ сѣвера на югъ.

Нѣтъ въ цѣломъ мірѣ страны, гдѣ бы берега были такъ изрѣзаны и развиты, какъ въ островной Японской имперіи. Протяженіе ея въ длину — не менѣе 800 миль. Вотъ почему множество острововъ, вдоль главныхъ, указаны на нашихъ морскихъ картахъ только приблизительно. Нѣкоторые изъ нихъ были нами узнаны, но относительно имени, которое имъ слѣдуетъ давать, мнѣнія оказались разногласны; въ Японіи не рѣдкость, что та или другая мѣстность обозначается то настоящимъ своимъ именемъ, то прозваніемъ, то отличительнымъ эпитетомъ. Затрудненіе при объясненіяхъ съ переводчиками и туземными лоцманами еще болѣе увеличиваетъ ошибки. Произношеніе и орфографія переводчиковъ значительно мѣняется, смотря потому, учились ли они англійскому или голландскому языку; что же касается лоцмановъ, то каждый изъ нихъ говоритъ нарѣчіемъ своей провинціи. Тѣ и другіе, весьма пунктуальные въ исполненіи своихъ обязанностей, удивительно мастерски умѣютъ отклонять услуги, цѣль которыхъ доставить пищу пытливому уму западныхъ пришельцевъ. Наконецъ, и самые трактаты окружаютъ почти неодолимыми преградами морское или топографическое изученіе различныхъ архипелаговъ имперіи. Иностраннымъ мореплавателямъ, исключая портовъ, открытых для приступившихъ къ трактату націй, нигдѣ не дозволено выходить на берегъ, или помѣщаться здѣсь для съемки плановъ; не дозволено даже дѣлать промѣровъ въ виду береговъ, развѣ только въ этомъ настоятъ крайняя надобность. Не разъ суда, покушавшіяся нарушить послѣднее запрещеніе, выдерживали огонь японскихъ пушекъ. Всѣ мало-мальски важные проходы находятся подъ защитою фортовъ или крытыхъ батарей. Ни одинъ портъ не доступенъ иностранцамъ иначе, какъ въ качествѣ убѣжища, въ случаяхъ необходимыхъ поправокъ или другихъ корабельныхъ «по-

требностей», причѣмъ экипажъ, безъ особаго разрѣшенія, ни подъ какимъ видомъ не долженъ оставлять судно.

Изъ Таскѣ мы вышли 21-го числа на разсвѣтѣ, послѣ продолжительныхъ и осторожныхъ маневровъ, за которыми островитяне слѣдили издали съ живѣшимъ любопытствомъ, сидя на своихъ лодкахъ.

По всей линіи, пройденной нами въ теченіе этого дня, замѣтно было большое движеніе мѣстныхъ рыболовныхъ судовъ и коммерческихъ джонокъ. Справа отъ насъ лежатъ на Кіузіу превосходныя и богатая провинціи владѣтелей Фицена и Тзигуцена. Послѣдній имѣетъ пребываніе въ Фукуокѣ, своей столицѣ, мало извѣстномъ приморскомъ городѣ, хотя онъ имѣетъ не менѣе 100,000 жителей. Кромѣ каботажной торговли съ японскими портами, онъ поддерживаетъ торговые сношенія съ большимъ островомъ Цусимой, къ сѣверо-западу отъ Кіузіу, и съ Кореей. Корейскія и китайскія джонки появляются также иногда въ водахъ Нагасаки, Тзигуцена, или внутренняго моря. Родъ и цѣнность ихъ грузовъ подчинены строгимъ таможеннымъ и полицейскимъ правиламъ, утвержденнымъ японскими властями. И не смотря на то, важность національныхъ, или, вѣрнѣе, международныхъ сношеній этихъ странъ такъ значительна, что адмиралъ Гонъ, считая число джонокъ, встрѣченныхъ имъ во время переѣзда по внутреннему морю дошелъ до цифры 1500.

Рыболовныхъ судовъ видимо-невидимо. Ихъ вы видите то вдоль береговъ острововъ, то въ открытомъ морѣ, которое онъ переплываютъ при помощи большаго паруса, выкроеннаго длиннымъ четырехугольникомъ.

Наконецъ, одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ японскихъ архипелаговъ — громадное количество птицъ, которыя оживляютъ ихъ своими криками и движеніемъ. Здѣсь орлы и копчики рѣютъ надъ валунами; тамъ журавли медленно выступаютъ изъ за группы кедровъ; далѣе въ тростникахъ и тихихъ заливахъ, куда едва достигаютъ волны теченій морскія вороны и цапли ловятъ рыбу; дикіе гуси и утки плаваютъ по всѣмъ направленіямъ или перелетаютъ по воздуху цѣлыми стаями, между тѣмъ какъ чайки и морскія ласточки вьются роемъ вокругъ мысовъ и отмелей.

Японцы вообще уважаютъ дикихъ птицъ. Въ пищу они употребляютъ только дворовую птицу. Куриная порода, встрѣчающаяся во всѣхъ широтахъ, за исключеніемъ ледовитой зоны, чрезвычайно размножена въ Японіи, гдѣ представляетъ интересныя разновидности въ настоящее время уже акклиматизированныя и хорошо извѣстныя въ Европѣ. Кажется даже, что мѣна и скрещиваніе породъ велись между обѣими странами съ давнихъ поръ. Показывая въ акклиматизаціонномъ саду японскимъ посламъ породу куръ, у нихъ спросили, узнаютъ ли они ее, такъ какъ вѣроятно она встрѣчается и у нихъ на родинѣ? «Разумѣется, отвѣчали они, это та порода, которую мы называемъ голландскими курами.»

Островитяне внутренняго моря охотно мѣняютъ курицу на пустую бутылку. Я замѣчалъ нѣсколько разъ на японскихъ рынкахъ, что европейскія бутылки покупаются народомъ на расхватъ, и это весьма понятно въ странѣ, гдѣ не существуетъ стекляннаго производства. Обстоятельство придающее имъ цѣну, заключается также въ страсти японцевъ къ гравюрамъ: красивый ярлычекъ на бутылкѣ абсента, полынной водки, шартреза и пр., удваиваетъ ея цѣну.

Коопманъ долженъ былъ имѣть стоянку въ Тореагаре, кіузіуской гавани, на юго-востокѣ отъ острова Хикузимы, у входа въ Ванъ-деръ-Капелленовъ проливъ; но сѣверо-западный вѣтеръ и сильное восточное теченіе такъ намъ помогали, что мы успѣли перебраться черезъ проходъ и бросили якорь ночью передъ городомъ Симонозеки, лежащимъ при входѣ во внутреннее море, на великомъ островѣ Нишпонѣ. Въ темнотѣ видѣлись огни и доносился послѣдній шумъ въ портѣ.

На слѣдующій день, 22 апрѣля, я всталъ въ пять часовъ утра полюбоваться видомъ Симонозеки но сильно разочаровался, ступивъ на палубу. Густой туманъ окутывалъ рейдъ и едва позволялъ различать силуэты нѣсколькихъ большихъ джонокъ, стоявшихъ на якорѣ. Однакоже къ шести часамъ туманъ началъ разсѣиваться и открылъ интереснѣйшую часть города, именно ту, которая возвышается надъ храмомъ Ками-хамайю. Особенно поразила меня красота сосенъ, кедровъ и другихъ большихъ деревьевъ, растущихъ группами не только на священнхъ холмахъ, но подлѣ домовъ чиновниковъ и даже на рынкахъ.

Общій видъ Симонозеки и его окрестностей долженъ быть очень хорошъ въ ясную погоду. Часть острова Кіузіу, лежащая какъ разъ противъ этого юго-западнаго пункта, на островѣ Нишпонѣ, по видимому также чрезвычайно живописна, если судить по домамъ небольшого городка Кокуры, рас-

положеннаго не вдалекѣ отъ берега, и по горнымъ вершинамъ, которыя вырѣзывались изъ загустаго тумана, закрывавшаго половину косогора.

Книга сэра Рутерфорда Алькока, подъ заглавіемъ: *The capital of the Tycoon*, содержитъ слѣдующее замѣчаніе о Симонозеки, редактированное англійскимъ негоціантомъ г. Бойлемъ.

«Этотъ городъ, лежащій подъ 35°56' северной широты и 131° восточной долготы, занимаетъ полторы мили пространства вдоль моря. Въ немъ одна только главная улица, которая можетъ вмѣщать около 10,000 жителей.

«Общая постройка его деревянная, но здѣсь очень много годоунъ, или магазиновъ изъ землянаго кирпича, оштукатуреннаго известью. Эти зданія, признанныя несгораемыми *fire-proof*, служатъ складами товаровъ, приходящихъ изъ Нагасаки, или различныхъ портовъ внутренняго моря, преимущественно Осаки. На джонкахъ можно видѣть грузы сахара (съ острововъ *Miy-Kiy*), риса, желѣза и масла. Самый городъ, окруженный высокими холмами, какъ кажется, не производитъ никакихъ собственныхъ продуктовъ для вывоза. Его торговая дѣятельность ограничивается повидимому ролью складочнаго и передаточнаго пункта товаровъ, съ одной стороны въ осакскій портъ, для внутренняго потребленія Ниппона, съ другой — въ нагасакскій портъ. Управление дѣлами находится въ рукахъ агентовъ осакскихъ купцовъ. Въ мелочныхъ лавкахъ города видны товары голландскаго привоза, какъ напримѣръ, москательный товаръ, стекло, бутылки, тафчела, и въ болѣе значительномъ количествѣ нѣкоторыя мануфактурныя произведенія Великобританіи, каковы: сѣрый шертингъ, камлотъ, прайнтъ и лонгъ-эльсъ. Продажныя цѣны на 50 и даже на 100% выше чѣмъ въ Нагасаки».

Эта коротенькая торговая замѣтка кажется мнѣ полною и точною. Быть можетъ, цифра населенія показана менѣе дѣйствительной. Нѣкоторые описанія считаютъ въ Симонозеки 30,000 жителей. Что касается до предметовъ ввоза, о которыхъ говоритъ г. Бойль, то Японія, дѣйствительно, ими только и заимствуется у Европы, разумѣется не считая огнестрѣльнаго оружія и заказовъ для военнаго флота. Тафчела, встрѣчающаяся здѣсь, есть родъ бумажной ткани, употребляемой вообще на мужскую и женскую одежду въ буржуазномъ классѣ. Лучшіе сорта ея производятся на фабрикахъ восточной Швейцаріи. Суровый шертингъ — тоже бумажная матерія, приготовляемая специально въ Англіи; окраска ея производится на мѣстѣ — въ Японіи. Наконецъ, камлотъ, прайнтъ и лонгъ-эльсъ — матеріи полотняныя, главнымъ образомъ британскаго производства. Въ достаточныхъ классахъ общества начинаетъ входить въ употребленіе и цѣнится по достоинству неизвѣстное здѣсь до послѣднихъ годовъ — французское сукно.

Въ эпоху, предшествовавшую заключенію великихъ трактатовъ, которые повидимому должны открыть новѣйшей цивилизаціи всѣ значительные города Японіи, и которые оставались до сихъ поръ мертвою буквою, одинъ голландскій дипломатъ, знающій Японію лучше чѣмъ кто нибудь, г. Донкертъ-Курціусъ, единственно съ помощью терпѣнія и убѣжденія, работалъ втихомолку, чтобы получить отъ японскаго правительства открытіе Симонозеки и Хіого, двухъ главныхъ портовъ имперіи, изъ которыхъ одинъ лежитъ при входѣ, другой — при выходѣ изъ внутренняго моря.

Въ особенности первый изъ этихъ городовъ занимаетъ такое положеніе, которое позволитъ ему, чтобы тамъ ни дѣлали, играть роль въ дѣлахъ крайняго Востока. Съ военной точки зрѣнія, онъ есть ключъ Ванъ-деръ-Капелленова пролива: поперекъ этого канала скалистый островъ Хикузима, защищающій симонозекскій портъ отъ волнъ Корейскаго моря, оставляетъ между своими скалами и островомъ Кіузіу проходъ или узкій каналъ въ 5 километровъ длиною и въ три четверти километра въ ширину. Съ меркантильной точки зрѣнія, онъ составляетъ узелъ, гдѣ пересѣкаются двѣ главныя артеріи Японіи: одна черезъ внутренне море, другая — большой императорской дорогой, которая проходитъ, во-первыхъ, черезъ островъ Кіузіу, отъ Нагасаки въ Кокуру, противъ Симонозеки, во-вторыхъ, чрезъ островъ Ниппонъ, отъ Симонозеки до Осаки, потомъ до Кіото, потомъ до Іедо, по направленію отъ запада къ востоку, также какъ и съ юга на сѣверъ, начиная отъ Іедо до морскаго берега, лежащаго противъ порта Хакодаде, на островѣ Іессо.

Настоящія отношенія Японіи съ великими морскими державами Запада приняли такой видъ, что остается пожалѣть, за чѣмъ отдѣлились отъ скромнаго, но вмѣстѣ разумнаго плана составленнаго прежнимъ нидерландскимъ королевскимъ комиссаромъ.

Симонозеки, кажется, самой природою предназначенъ сдѣлаться порто-франко всѣхъ торговыхъ націй, встрѣчающихся на японской почвѣ.

Простоявъ ночь на якорѣ передъ выходомъ въ проливъ Ванъ-деръ-Кепеллена, нашъ пароходъ въ уса взялъ направленіе по теченію.

До самой минуты отплытія, туземныя суда сновали мимо насъ, все увеличиваясь въ числѣ: сперва рыбацкія лодки съ гребцами, одѣтыми въ соломенный сельскій плащъ; за тѣмъ большія каботажныя суда, съ окованнымъ мѣдью носомъ, на которыхъ помѣщалось все хозяйство семьи; далѣе правительственныя шлюпки, откуда вышли два полицейскихъ офицера, взосли на пароходъ и стали разспрашивать туземныхъ лодмановъ; наконецъ — гондолы церажанъ, въ сопровожденіи слугъ, державшихъ зонтики. Между группами любопытныхъ можно было замѣтить добрыхъ отцовъ семейства, окруженныхъ дѣтьми, которыми они объясняли самыя замѣчательныя подробности большого военнаго голландскаго корабля, а также разодѣтыхъ женщинъ и дѣвушекъ, подъ покровительствомъ какой нибудь важной персоны. Послѣднія отличались отъ замужнихъ женщинъ кускомъ пунсоваго крепа, вложеннаго въ хитрое зданіе густой прически.

Картина была интересна и оживленная, но я никакъ не могъ помириться съ бѣдностью японскаго костюма: меня пробирала дрожь при видѣ этихъ людей, одѣтыхъ въ простой бумажный халатъ и соломенные сандалии на босу ногу, да я думаю и сами они дрожали въ такое холодное утро.

Мы тронулись въ семь часовъ. Сѣверный вѣтеръ смѣнился противнымъ, восточнымъ, и мы побѣдоносно боремся съ нимъ при помощи теченія, дѣлая по 6 миль въ часъ.

По обѣ стороны канала встаютъ лѣсистыя горы. Въ Японіи существуютъ законы, охраняющіе лѣса: я слышалъ, что никто не имѣетъ здѣсь права срубить дерево, не посадивъ въ замѣнъ другаго. Впрочемъ, тутъ большія деревья разсажены рѣдко, и какъ бы на ровныхъ промежуткахъ, между чащей кустарника.

Черезъ часъ послѣ отплытія изъ Симоноэки мы потеряли берега изъ виду.

Во весь остальной день, легко можно было подумать, что мы въ открытомъ морѣ, если бы множество тяжелыхъ купеческихъ джонокъ, лодокъ съ бѣлыми парусами и рыбацкихъ судовъ, встрѣчавшихся намъ по дорогѣ, не напоминали, что мы плывемъ по большому озеру, маленькому среди-земному морю. Можетъ быть, замѣтили бы мы еще какую нибудь землю, еслибъ горизонтъ не заволокло туманомъ. Какъ бы ни было, но часть внутренняго моря, пройденная пароходомъ послѣ полудня именно та, которая представляетъ наибольшую ширину: приблизительно миль пятьдесятъ на высотѣ канала Бунго, по ту сторону Химезимы, послѣдняго изъ острововъ, окоймляющихъ сѣверо-восточный берегъ Кіузіу.

ГЛАВА II.

ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ.

Очеркъ японскихъ острововъ. — Владѣтельные князья и ихъ доходы. — Очеркъ внутренняго Японскаго моря. — Замки дайміосовъ. — Будущее Японскаго средиземнаго моря.

Японская имперія заключаетъ въ себѣ болѣе 26 градусовъ широты (отъ 24°16' до 50° сѣверной широты) и болѣе 27 градусовъ долготы (отъ 120° 58' до 148°25' къ востоку отъ парижскаго меридіана). Въ ней считается до 3,850 острововъ и островковъ, представляющихъ поверхность въ 7,521 квадратную милю, по 15 въ градусѣ.

Этотъ небольшой островной міръ, населенный, какъ предполагаютъ, отъ 32 до 34 миллионовъ душъ, дѣлится на 6 группъ, или главныхъ архипелаговъ.

Самый значительный составляетъ собственно Японію, заключающую 3,511 острововъ, при общей поверхности въ 5,306 квадратныхъ миль. За нимъ слѣдуютъ: Иессо, Большіе Курильскіе острова, Крафта, группа Бонинскихъ острововъ и архипелагъ Ліу-Кіу.

Туловище собственной Японіи образуется великимъ островомъ Ниппономъ, который одинъ представляетъ поверхность въ 4,031 квадратныхъ миль, или протяженіе на 300 миль въ длину и отъ 60 до 80 въ ширину.

На юго-западъ и на югъ отъ Ниппона лежатъ два другіе большіе острова, именно Кіузіу, имѣющій 50 миль въ длину и 25 въ ширину, или поверхность въ 688 квадратныхъ миль, и Сикокфъ — съ поверхностью въ 391 квад. милю.

Внутреннее Японское море очерчивается южными берегами Ниппона и сѣверными берегами Кіузіу и Сикокфа.

Несмотря на то, оно представляетъ скорѣе характеръ канала, чѣмъ настоящаго средиземнаго моря. Это — сообщеніе, существующее на высотѣ 34° сѣверной широты, между водами Китайскаго моря, или вѣрнѣе, Корейскаго пролива, омывающаго западные берега Японіи, и водами Великаго океана, омывающаго южные и восточные берега того же архипелага.

Можно допустить, что три большіе острова: Ниппонъ, Кіузіу и Сикокфъ составляли въ древности одинъ материкъ. Ихъ раздѣльность произошла вѣроятно отъ разрыва натуральной плотины западнаго берега и отъ вторженія водъ Китайскаго моря въ томъ пунктѣ, гдѣ теперь находится Симонозеки. Въ видѣ сравненія укажемъ, что Африка, повидимому, точно также была отдѣлена отъ европейскаго континента прорывомъ атлантическихъ водъ въ бассейнъ Средиземнаго моря въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Гибралтарскій проливъ. Если же мы представимъ себѣ, что Средиземное море соединяется съ одной стороны съ Атлантическимъ океаномъ посредствомъ Гибралтарскаго пролива, а съ другой съ Индѣйскимъ — посредствомъ канала Краснаго моря, то получимъ понятіе о Японскомъ внутреннемъ морѣ, которое соединяется на западѣ съ Китайскимъ моремъ проходомъ Ванъ-деръ Кепеллена, или Симонозеки, а на юго-востокѣ съ Великимъ океаномъ - каналомъ Бунго, между Кіузіу и Сикокфомъ, точно также какъ далѣе, — вторымъ проходомъ, Кино, между Сикокфомъ и мысомъ Идсумо, на островѣ Ниппонѣ.

Средиземное японское море обозначается иногда и общимъ названіемъ Суванады, или моря Суво.

Полагаютъ, что вся эта масса воды простирается по наибольшей своей длинѣ, съ запада на сѣверо-востокъ, то есть отъ Симонозеки до середины залива Осаки на 250 миль. По мнѣнію же Р. Лендо, «Суванада, японцевъ, лежащая между 33-й и 35-й параллелями сѣверной широты и 131 и 136 градусами восточной долготы, имѣетъ 400 километровъ протяженія въ длину.»

Вдоль южныхъ береговъ великаго острова Ниппона, образующихъ обширный полукругъ, неправильный и прерывающійся, который простирается отъ Симонозеки до мыса Идсумо, Суванада омываетъ земли десяти провинцій, идущихъ другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ, начиная съ запада: Нагато, Суво, Аки, Бинго, Битсиу, Бидценъ, Ариша, Сетсу, Идсуми и Ксиу.

Каждая изъ этихъ провинцій заключаетъ одно или нѣсколько владѣтельныхъ государствъ, принадлежащихъ феодальнымъ князьямъ, которые пользуются широкой независимостью и получаютъ вообще съ своихъ земель значительные доходы. Такимъ образомъ, напримѣръ, фамилія князей Ксиу получаетъ съ своихъ патримоніальныхъ владѣній ежегодный доходъ, равняющійся суммѣ 8.880,000 франковъ; князь Аки — доходъ въ 6.976,000 франковъ; князь Ксиу — 5.904,000 франковъ; князь Бидценъ — 4.960,000 франковъ.

На островѣ Кіузіу и Сикокфѣ, которые послѣ Ниппона и Иессо считаются наибольшими, Суванада омываетъ сѣверные берега обѣихъ провинцій Кіузіу, именно: Будценъ и Бунго, и три провинціи Сикокфа, называемыя Иію, Сануки и Ава.

Наконецъ, подобно тому какъ европейское Средиземное море дѣлится на нѣсколько бассейновъ, такъ и японцы отличаютъ въ своемъ средиземномъ морѣ пять частей, означенныхъ по именамъ важнѣйшихъ провинцій, владѣющихъ этими частями; такимъ образомъ внутреннее море, по всей длинѣ своей отъ запада къ востоку, носитъ пять различныхъ названій, а именно: Суванада, Иіюнада, Бингонада, Ариманада и Идсуминада, что означаетъ море или бассейнъ провинцій Суво (на Ниппонѣ), Иію (на Сикокфѣ), Бинго, Арима и Идсуми (на Ниппонѣ).

Пройдя весь бассейнъ Суво, мы бросили якорь въ десять часовъ вечера въ заливѣ острова Югозими, у входа въ Иіюнаду.

Стоянка эта оставила во мнѣ смутное воспоминаніе о какихъ-то горахъ, похожихъ съ виду на Шварцвальдскія горы и выдѣлявшихъ рѣзкою тѣнью въ сумракѣ ночи, при облачномъ небѣ; на другой же день, 23 апрѣля, корветъ снялся съ якоря до разсвѣта, а я проснулся только тогда, когда мы были уже въ открытомъ морѣ.

Дулъ легкій сѣверный вѣтеръ; погода стояла ясная, день былъ свѣжій и свѣтлый, какъ нельзя болѣе удобный для того, чтобъ наслаждаться видомъ страны. За исключеніемъ часовъ обѣда и

завтрака, я провелъ все время на палубѣ, то глядя внизъ на маневры матросовъ и строевое учение морской пѣхоты у открытой батареи, то любуясь видомъ непрерывно-идущей справа и слѣва цѣпи острововъ большихъ и маленькихъ, голыхъ и лѣсистыхъ, пустыхъ или населенныхъ, которые придаютъ столько прелести переѣздамъ по внутреннему морю.

Эти острова образуютъ поясъ двухъ большихъ земель, Ниппона, уже скрывшагося изъ глазъ, и Сикокфа, котораго горы, въ видѣ окутанныхъ дымкой фигуръ, начинаютъ показываться на горизонтѣ.

Безплодные острова представляются вообще въ формѣ черныхъ или темныхъ скалъ вулканическаго происхожденія, обтесанныхъ пирамидою, конусомъ, сахарною головою, а иногда фантастическихъ фигуръ. Нѣкоторые изъ нихъ — просто песчаные пригорки, съ волнообразною поверхностью, напоминающіе голландскія дюны.

Пустые, но не безплодные острова воздѣланы жителями сосѣднихъ деревень. Въ настоящую минуту мы пробѣгаемъ мимо плодородныхъ покатостей, большею частью лежащихъ террасами; на нихъ, какъ волны, переливаются поля ржи. Пшеницу сѣютъ здѣсь въ ноябрѣ или декабрѣ, собираютъ въ маѣ или іюнѣ, и замѣняютъ ее тогда рисомъ, жатва котораго происходитъ въ октябрѣ.

На окружающихъ насъ обширныхъ земляхъ сѣютъ просо и хлопчатую бумагу въ мартѣ или въ апрѣлѣ, а собираютъ ихъ — въ сентябрѣ или октябрѣ.

Провинціи на восточной окраинѣ внутреннего моря доставляютъ въ изобиліи чай.

Шелковидные дискрипты находятся въ особенности внутри страны, въ окрестностяхъ Кіото, равнымъ образомъ въ окрестностяхъ Ніагаты на Японскомъ морѣ и Іокогамы — при заливѣ Іедо.

Земледѣліе и рыболовство — главные промыслы японскаго народа. Моря архипелаговъ, которые онъ населяетъ, изобилуютъ безконечнымъ разнообразіемъ рыбы, въ числѣ которой есть нѣсколько иноземныхъ видовъ, принадлежащихъ жаркому поясу; они живутъ въ глубокихъ морскихъ теченіяхъ, отдѣлившись, вѣроятно, отъ великаго экваторіальнаго теченія и сохранившихъ болѣе высокую температуру, чѣмъ прочіе слои морской воды подъ этою широтою.

Среди всѣхъ окружающихъ естественныхъ богатствъ, многочисленное трудолюбивое, смышленное сельское населеніе Японіи не владѣетъ никакою собственностію, кромѣ хилой избенки, рабочихъ инструментовъ, нѣсколькихъ штукъ бумажной матеріи, цыновокъ, соломеннаго плаща, небольшого запаса чаю, масла, рису и соли, никакимъ движимымъ имуществомъ, кромѣ двухъ или трехъ принадлежностей хозяйственной посуды, словомъ, — ничѣмъ кромѣ самаго необходимаго. Все остальное, что японецъ производитъ въ потѣ лица, принадлежитъ землевладѣльцамъ феодальнымъ властителямъ.

Отсутствіе среднего класса даетъ жалкій видъ японскимъ селеніямъ. Либеральная цивилизація покрыла бы берега внутреннего моря красивыми городками и изящными дачами. Одни только храмы прерываютъ однообразіе сельскихъ жилищъ; но издали они отличаются лишь обширными размѣрами кровли, да величавымъ видомъ столѣтнихъ деревьевъ, которыя постоянно встрѣчаются въ сосѣдствѣ ихъ. Буддистскія пагоды, высокія башни съ остроконечной крышей, украшенныя галереями у всякаго этажа, попадаются несравненно рѣже въ Японіи, чѣмъ въ Китаѣ.

При входѣ въ бассейнъ Бинго, мы замѣтили на сикокфскомъ берегу, повидному, довольно значительный городъ: онъ называется Имабари. Обширное песчаное побережье, большая рѣдкость въ Японіи, примыкаетъ, какъ кажется, къ предмѣстью, гдѣ происходилъ въ эту минуту базаръ, потому что народу толпилось тамъ множество. За побережьемъ уходили въ даль и терялись въ туманѣ, у подошвы горной цѣпи, облитой солнечными лучами, плодоносныя равнины волнообразнаго характера Главныя вершины цѣпи — Кори-іама, Уафутіцуранъ, Сиро-іама, достигаютъ, повидному, отъ 1000 до 1600 метровъ возвышенія.

Фортификаціонныя работы, или, скорѣе, земляныя насыпи, за которыми развѣвались нѣсколько флаговъ, прикрывали прицѣльныя батареи, расположенныя впереди гавани. Кучки солдатъ и офицеровъ стояли на берегу, слѣдя за движеніями нашего корвета. Самый городъ не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ священныхъ мѣстъ, обсаженныхъ исполинскими деревьями.

Спустя нѣсколько время, мы встрѣтились, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, съ большимъ японскимъ пароходомъ. Обратившись за разъясненіемъ къ своимъ лоцманамъ, мы получили въ отвѣтъ что, судя по цвѣту флага, судно должно принадлежать князю Тозѣ. Онъ состоитъ въ числѣ осмнадцати «великихъ дайміосовъ» или пэровъ имперіи. Его владѣнія лежатъ въ южной части острова Сикокфа и доставляютъ ему ежегоднаго дохода 3.872,000 франковъ. Быть можетъ, онъ возвращается съ

какойнибудь конференціи феодальной партіи, собиравшейся въ городѣ Кіото, при дворѣ наслѣдственного императора Японіи: въ такомъ случай онъ долженъ былъ сѣсть на пароходъ въ Хіого, чтобы вернуться въ свою провинцію каналомъ Бунго. Какія чувства волновали его при видѣ иностраннаго корвета, разсѣвавшего волны внутренняго моря? Надѣялся ли онъ отразить, въ минуту необходимости, западную цивилизацію тѣмъ же самымъ оружіемъ, которое отдала она въ его распоряженіе? И знаетъ ли онъ къ чему приведетъ его паръ?

Перечислимъ военные параходы, которыми, сколько намъ извѣстно, Европа и Америка снабдили уже военный японскій флотъ. Число ихъ простирается до четырнадцати. Первый корветъ *Sembling* данъ тайкуну нидерландскимъ королемъ; другой—яхта *Emperor*—поларенъ королевою Викторією; остальные проданы правительствами или торговыми домами Запада частью тайкуну, частью нѣкоторымъ изъ главныхъ дайміосовъ, какъ, напримѣръ, Мито, Нагато, Сатсума и Тоза.

Незадолго до солнечнаго заката, мы видѣли на берегу Сикокфа владѣтельный замокъ, замѣчательный своимъ живописнымъ положеніемъ на скатахъ и вершинѣ лѣсистаго холма, у подошвы котораго сельское мѣстечко, казалось, пріютилось подъ покровительствомъ старинныхъ феодальныхъ башенъ. Это замокъ Моронгами, резиденція князя Кіогону-Санокэ, получающаго до миліона франковъ годоваго дохода.

Замки дайміосовъ вообще удалены отъ городовъ и селеній. Общій типъ ихъ представляетъ обширную четырехугольную ограду изъ толстыхъ и высокихъ зубчатыхъ стѣнъ, окруженныхъ рвами и фланкированныхъ по угламъ или увѣнченныхъ на извѣстныхъ разстояніяхъ, по всей своей длинѣ, квадратными башенками со слегка выгнутой крышей. Внутри находится паркъ, садъ и собственно такъ, называемая резиденція владѣтеля, заключающая въ себѣ главный корпусъ зданія и многочисленныя службы. Иногда одинокая башня, той же формы какъ и прочія постройки, возвышается среди феодальнаго жилища и превышаетъ двумя или тремя этажами уровень стѣнной ограды. Какъ въ китайскихъ пагодахъ, каждый этажъ обнесенъ крышей, но галереи встрѣчаются рѣдко. Вся каменная работа остается въ неотдѣланномъ видѣ и скрѣпляется цементомъ; строенія изъ землянаго кирпича бѣлятся известью; деревянныя части окрашиваются въ красный и черный цвѣта и отгнѣняются мѣдными украшениями, или лакированными, или обмазанными ярью. Черепицы кровли имѣютъ цвѣтъ графита. Вообще, богатство деталей играетъ второстепенную роль, главное же на что обращается вниманіе, это общій эффектъ, производимый величіемъ и гармонією пропорціональныхъ частей зданія. Въ послѣднемъ отношеніи есть въ Японіи такія вельможныя резиденціи, которыя поспорятъ съ замѣчательными архитектурными памятниками народовъ восточной Азіи.

Вѣтеръ утихъ съ закатомъ солнца и наступилъ первосходный вечеръ, лучше котораго я не запомню во время переѣзда: лунный свѣтъ, чистое небо, гладкое море, и только изрѣдка легкая зыбь, когда выпрыгнетъ какаянибудь большая рыба или смутитъ воду сила теченія.

Мы стоимъ на якорѣ въ бухтѣ острова Суцусимы, на южной оконечности провинціи Битсіу и у входа въ бассейнъ Аримы. Насъ окружаетъ цѣлый поясъ горъ, у подошвы которыхъ блестятъ то тамъ, то здѣсь, огоньки въ домахъ. Глубокая тишина прерывается только далекимъ лаемъ сторожевыхъ собакъ; воздухъ удивительно прозраченъ, и весь вечеръ проходитъ у насъ въ разговорахъ на палубѣ.

Слѣдующее утро, 24 апрѣля, мы бороздимъ мирныя воды Ариманады. Бассейнъ этотъ почти замкнутъ съ восточной стороны островомъ, отдѣляющимъ его отъ Юсуминады на 30 миль въ длину. Онъ имѣетъ форму треугольника, вершина котораго обращена къ сѣверу и лежитъ противъ провинціи Аримы, на Нишюнѣ. Это—красивый островъ Авадзи, бывшій жилищемъ боговъ и колыбелью національной мифологіи японцевъ. Низменности, простирающіяся у сѣверной его окраины, одѣты роскошною растительностью, но къ югу почва незамѣтно повышается, сначала въ видѣ обработанныхъ или поросшихъ лѣсомъ холмовъ, потомъ переходитъ въ широкіе контръ-форсы массы или, скорѣе, настоящей цѣпи горъ, высотой отъ 3 до 700 метровъ.

Авадзи принадлежитъ князю Ава, получающему ежегодно дохода до 4 милліоновъ франковъ. Въ южной части Авадзи представляетъ широкое основаніе, простирающееся между провинціями Ава на Сикокфѣ и Ксіу на Наруто, а отъ острова Нишпона на востокъ, Линшетенскимъ проливомъ.

Большинство паровыхъ судовъ, совершающихъ переѣзды средиземнаго Японскаго моря, съ запада на востокъ, переходятъ изъ Аримы въ бассейнъ Идсуми, гдѣ останавливаются у важнаго торговаго города Хіого; отсюда уже они входятъ въ Великій океанъ черезъ Линшетенскій проливъ.

Проходъ Наруто, который ведетъ прямо изъ Аримскаго бассейна въ Великій океанъ, короче

перваго пути, но плаваніе по немъ бываетъ несравненно рѣже, потому что онъ считается не совсѣмъ безопаснымъ для большихъ судовъ.

Г. Бюйсъ рѣшился изслѣдовать его и переплыть. Огибая островъ Авадзи съ бакборта, мы увидѣли, что берега его сближаются къ намъ больше и больше, по мѣрѣ того какъ пароходъ спускался къ юго-западному углу этого треугольнаго острова. Въ то же время на горизонтѣ, съ правой стороны, стали видѣться мѣся острова Сикокфа и постепенно вытягиваться по направленію къ Авадзи. Скоро мы вступили въ проходъ, откуда можно было видѣть совершенно ясно красивую растительность сикокфскаго и не менѣе богатую растительность авадзійскаго берега. Наконецъ появились передъ нами ворота пролива: слѣва — скалы, увѣнчанныя соснами, впереди острова Авадзи; справа — скалы, или отдѣльный островокъ, также поросшій рѣдкими соснами впереди Сикокфа. Море между ними, казалось, преграждено линіей буруновъ; а между тѣмъ погода была тихая; вдали спокойно колыхался океанъ, и ни одна пѣнистая волна ни пробѣгала по его поверхности: слѣдовательно море бушевало въ проходѣ единственно вслѣдствіе стремительной силы теченія. Хотя мы прекратили пары, но черезъ секунду пароходъ былъ уже за линіей буруновъ. Вокругъ насъ со всѣхъ сторонъ, по волнамъ и у подошвы скалъ, тысячи птицъ рѣяли съ крикомъ и погружались въ воду, чтобы схватить добычу, которую выносило море, взволнованное до дна прибоемъ и напоромъ теченія. Нѣсколько рыбачьихъ лодокъ также помѣстились въ засаду, конечно не въ открытомъ каналѣ, что было бы дѣломъ невозможнымъ, но за скалами, въ углубленныхъ заливчикахъ и даже у песчаныхъ отмелей небольшого уединеннаго острова Сикокфа.

Ширину прохода Наруто, отъ берега до берега, опредѣляютъ въ 800 метровъ, длину — отъ 2 до 3 километровъ.

Ниже Авадзи, соединенныя воды двухъ проливовъ — Наруто и Линсхетенскаго, образуютъ каналъ Кино, который омываетъ берега провинціи Ксіу — на Ниппонѣ. Мы плыли еще нѣсколько времени въ виду послѣдняго; потомъ земля исчезла, и скоро, по величинѣ и колыханію волнъ, мы могли замѣтить, что вышли въ наружное море, въ необозримые предѣлы Великаго океана.

Весь вечеръ я припоминалъ впечатлѣнія этого переѣзда. Мнѣ пріятно было вспомнить живописныя окрестности Нагасаки: тѣнистыя долины, оживленныя шумомъ потоковъ; виды, открывающіеся среди горъ на морскіе рукава, напоминающіе озера; безконечную мягкость и тишину въ характерѣ сельской природы Кіузіу, и я сознавалъ что только средѣ Швейцаріи можно найти подходящія сравненія съ прелестью японской природы, точно такъ-какъ впослѣдствіи, японцы, путешествовавшіе по Швейцаріи, говорили мнѣ, что ни одна страна не напоминала имъ такъ живо ихъ родину.

Но чаще всего мысль моя переносилась то къ одному, то къ другому архипелагу Сувонады, и я пламенно желалъ, чтобы насталъ тотъ день, когда дуновеніе свободы дастъ имъ, на крайнемъ Востокѣ, то же важное значеніе, какое имѣлъ нѣкогда для Европы архипелагъ Средиземнаго моря.

Смѣшивать ихъ въ общемъ впечатлѣніи — невозможно. Ни въ одномъ мѣстѣ нельзя встрѣтить менѣе однообразія, какъ въ сценической декорации береговъ внутренняго моря. Передъ вами проходитъ рядъ картинъ, которыя мѣняются до безконечности, смотря по большому или меньшему сближенію береговъ, или смотря по виду острововъ, замыкающихъ горизонтъ. Есть большія морскія картины, гдѣ линіи моря сливаются съ очертаніями песчаныхъ береговъ, утопающихъ въ солнечныхъ лучахъ, между тѣмъ какъ далекія горы вырѣзываются на фонѣ картины облачными формами своихъ вершинъ. Есть небольшіе пейзажи, свѣтленькіе, чистенькіе, скромные: деревня въ глубинѣ тихаго залива, окруженная зелеными полями и отгѣненная сосновымъ лѣсомъ, точно видъ какого нибудь озера Юры, въ ясное іюньское утро.

Часто также, когда бассейны суживались, а лежащіе противъ острова, казалось, запирали намъ вовсе выходъ, вспоминался мнѣ Рейнъ, повыше Боппарта. Разница лишь та, что японскій пейзажъ спокойнѣе, свѣтлѣе, чѣмъ романческіе берега, названные мною. У него нѣтъ ни обрывистыхъ скаловъ, ни густыхъ массъ тѣни, ни убѣгающихъ линій. Вдоль береговъ — горизонтальные планы, низменность, рейды, террасы; вдали — округленные острова, волнистые холмы, коническія горы. Картины эти не безъ прелести: глядя на нихъ отдыхаетъ и глазъ и воображеніе; но напрасно бы стали здѣсь искать той меланхолической привлекательности, которая, по понятіямъ европейскаго вкуса, составляетъ неотъемлемую принадлежность наслажденія всѣмъ живописнымъ.

Какъ бы тамъ ни было, оставляя въ сторонѣ вопросъ о живописномъ, безъ сомнѣнія не составляющемъ существеннаго элемента нашихъ сношеній съ крайнимъ Востокомъ, я надѣюсь, что, рано или поздно, по образуется въ Японіи цѣпь европейскихъ колоній, которыя станутъ мирно развивать

естественные и торговые ресурсы этой удивительной страны, по линіи, обозначенной городами Иокогамой, Хіого, Симонозеки и Нагасаки. Къ ея услугамъ явится правильное пароходное сообщеніе. Американскія и китайскія торговые суда послужатъ связью къ сношенію обоихъ міровъ съ царемъ архипелаговъ Великаго океана. Утомившись климатомъ тропиковъ или бременемъ китайскихъ дѣлъ, европейцы явятся подышать чистымъ и укрѣпляющимъ воздухомъ, провести нѣсколько недѣль отдыха на берегахъ Японскаго средиземнаго моря. Сколько поселившихся въ Китаѣ семействъ, сколько европейскихъ женщинъ и дѣтей будутъ счастливы возможностью, въ продолженіе тягостныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, воспользоваться этимъ убѣжищемъ, которое по мягкости климата можетъ поспорить съ любой мѣстностью Италіи, а между тѣмъ такъ близко отъ ихъ теперешняго мѣстожительства!

Но пока воображеніе, опережая ходъ времени и завоеваній цивилизаціи, рисуетъ всѣ прелести существованія европейскаго общества среди острововъ Суводанады, я сознаюсь, что въ душѣ доволенъ случаемъ, доставившимъ мнѣ возможность видѣть средиземное Японское море въ его первобытномъ состояніи, когда еще производятся открытія при помощи приблизительныхъ картъ, когда спрашиваютъ еще у мѣстныхъ лоцмановъ названія острововъ, горъ, селеній, и когда бросаютъ на ночь якорь въ какойнибудь крошечной бухтѣ, называемой туземцами «отличнымъ портомъ».

ГЛАВА III.

ЗАЛИВЪ ІЕДО.

Начало сношеній европейцевъ съ Японіею. — Голландскія дѣла. — Попытки американцевъ. — Отвѣтъ японцевъ. — Экспедиція Перри. — Письмо президента къ японскому императору. — Канагавскій договоръ.

Починъ въ дѣлѣ новыхъ отношеній Японской имперіи къ западу — принадлежитъ Голландіи.

Пользуясь впечатлѣніемъ, которое исходъ первой войны Англіи съ Китаемъ долженъ былъ произвести на японскіе острова, король Вильгельмъ II обратился прямо къ тайкуну съ собственноручнымъ письмомъ отъ 15 февраля 1844 года:

«Съ глубокимъ вниманіемъ, говорилъ онъ, мы изучали ходъ событій нашей эпохи. Сношенія народа съ народомъ быстро умножаются. Непреодолимая сила сближаетъ людей. Изобрѣтеніе пароходства болѣе и болѣе уничтожаетъ разстоянія. Если бы какаянибудь нація вздумала уклониться отъ этого общаго сближенія, то подверглась бы общей враждѣ. Сблаговолите же смягчить строгость вашихъ законовъ противъ иностранцевъ, дабы тѣмъ избавить вашу счастливую страну отъ бѣдствій войны.»

«И мы также, отвѣтило японское правительство, внимательно слѣдили за ходомъ событій; но обстоятельства, измѣнившія судьбу Китайской имперіи, еще сильнѣе укрѣпили насъ во всегдашней политикѣ. Если бы китайцы не сдѣлали неосторожности, дозволивъ англичанамъ селиться въ Кантонѣ, то теперь не находились бы въ глубинѣ пропасти. Но вы, голландцы, пользовавшіеся, съ извѣстными ограниченіями, правомъ торговли въ нашей странѣ, вы всегда оставались въ отношеніи насъ вѣрными друзьями, почему и впредь будете пользоваться дарованной вамъ привиллегіей. Но, безъ сомнѣнія, мы не распространимъ выгоды ея на другіе народы. Пока плотина въ хорошемъ состояніи — поддерживать ее легко, но разъ ее прорвало — трудно уже удержать ее отъ дальнѣйшаго разрушенія.»

Нидерландскому правительству ничего не оставалось болѣе, какъ только бдительно выжидать. Оно поручило начальнику Децимской факторіи не пропускать ни малѣйшаго случая къ угожденію японскимъ властямъ и ко внушенію имъ болѣе благосклоннаго взгляда на иностранцевъ. Письмо короля принято было голландскими агентами руководствомъ въ сношеніяхъ съ Японіею. Вскорѣ эти сношенія не замедлили принять характеръ довѣрія. Голландія не разъ служила переводчикомъ и

истолкователемъ императорскихъ эдиктовъ къ морскимъ державамъ Запада Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты просили ея посредничества въ виду большой экспедиціи, которую намѣревались послать въ Японію.

Въ тоже самое время (1852) гаагскій дворъ хотѣлъ предложить японскому правительству о замѣнѣ старинныхъ указовъ о Децимской факторіи взаимнымъ торговымъ и дружественнымъ трактатомъ. Шевалье Донкеръ-Курціусъ посланъ былъ по этому поводу чрезвычайнымъ посломъ въ Нагасаки. Японскія власти приняли его хорошо, но не согласились назначить комиссара для переговоровъ съ голландскимъ представителемъ. Почти годъ сношенія объ этомъ производились письменнымъ порядкомъ безъ всякаго результата. Какъ вдругъ, японское правительство, совершенно неожиданно, спустя короткое время послѣ посѣщенія американской экспедиціи, и несмотря на то, что дворъ находился тогда въ траурѣ по случаю смерти тайкуна, само возбудило совѣщанія между г. Донкеръ-Курціусомъ и императорскимъ комиссаромъ, въ присутствіи нагасакскаго губернатора. Однакоже и эти совѣщанія, длившіяся три мѣсяца, не привели къ заключенію трактата. Повидимому, тайная цѣль ихъ со стороны японскаго правительства заключалась въ желаніи уяснить нѣкоторые вопросы, рѣшеніе которыхъ дѣлались неизбежными на слѣдующій годъ, съ возвращеніемъ американской экспедиціи. «Все, что вы намъ сообщили, писалъ нагасакскій губернаторъ г. Донкеръ-Курціусу, относительно учрежденія складовъ каменнаго угля, необходимости снабженія припасами проходящихъ судовъ, разрѣшенія впускать ихъ въ гавани во время бури, мы поняли хорошо и считаемъ дѣломъ удобоисполнимымъ. Но вы также должны принять въ соображеніе, что нельзя сразу исполнить всѣ эти требованія.»

Терпѣніе голландскаго представителя нисколько не поколебалось. Онъ преслѣдовалъ свою скромную роль, безъ шума, но съ проникательной дѣятельностью, съ глубокимъ убѣжденіемъ. Когда японское правительство должно было уступить внушительнымъ настояніямъ посланника Соединенныхъ Штатовъ, то сдѣлало это не подъ вліяніемъ слѣпой необходимости, но съ полнымъ сознаніемъ дѣла, съ чувствомъ выполненія зрѣло-обдуманнаго акта, послѣдствія котораго оно принимаетъ на себя, что и не замедлило доказать въ кровавой борьбѣ, выдержанной имъ по этому случаю противъ феодальныхъ владѣтелей.

Энергическое и рѣшительное вмѣшательство великой американской республики достойнымъ образомъ дополнило и увѣнчало дѣло, предпринятое Голландіею въ Японіи въ теченіе десяти лѣтъ.

Японія съ давнихъ поръ служила цѣлью попытокъ къ учрежденію торговыхъ заведеній, попытокъ, въ которыхъ американскій умъ пускалъ поочередно въ дѣло хитрость, дерзость, религіозный принципъ, національное самолюбіе. Но и прямое ходатайство Союзнаго правительства отклонено было въ самой категорической формѣ:

«Передайте своему правительству, отвѣчали коммодору Биддлю, что народъ нашъ избѣгаетъ всякаго общенія съ иностранцами. Они пріѣзжали къ намъ со всѣхъ странъ свѣта и получали точно такой же отказъ. Отказывая вамъ, мы соблюдаемъ завѣщанныя намъ по преданію государственныя правила. Мы знаемъ, что обычаи наши, въ этомъ отношеніи, различаются отъ обычаевъ другихъ народовъ. Но мы требуемъ и для себя того же права, которое принадлежитъ въ частности каждому народу — устроить собственныя дѣла по своему крайнему разумнію. Торговля голландцевъ въ Нагасаки не даетъ остальнымъ народамъ права претендовать на тѣ же самыя выгоды.»

Эта декларация и рассказы нѣсколькихъ авантюристовъ, выдержавшихъ въ Японіи продолжительное заключеніе, вызвали въ Америкѣ сильное броженіе. Пресса, клубы, конгрессъ подняли вопросъ о большой морской манифестаціи противъ Японіи: «Не слѣдуетъ позволять этой имперіи пренебрегать долге цивилизованному міру. Наконецъ, независимость народа не можетъ быть абсолютною: есть общіе законы добраго сосѣдства и гуманности, которые обязаны уважаться всѣмъ міромъ. Освободиться отъ нихъ не можетъ безнаказанно никакой народъ. Препятствіе, представляемое Японіею къ мирному развитію американской торговли на Великомъ океанѣ, не имѣетъ разумнаго основанія и не можетъ быть оправдано. Достоинство Америки обязываетъ ее къ энергическому вмѣшательству. Выводить на сцену принципъ невмѣшательства, освященный обычаемъ со временъ основанія республики, — напрасно; мы живемъ не во времена Вашингтона. По мѣрѣ того, какъ паръ сближаетъ новый свѣтъ съ древними государствами восточной Азіи, республика не должна допускать, чтобы вліяніе въ этихъ странахъ перешло въ руки какой либо европейской державы. Ея призваніе, быть можетъ, и заключается въ томъ, чтобы развить свои силы именно въ этомъ направленіи и исполнить великую цивилизаторскую миссію.»

Среди шумной агитаціи политическихъ кружковъ, флотскій офицеръ, отличавшійся личными достоинствами и заслугами, коммодоръ Перри, терпѣливо обдумывалъ планъ экспедиціи, основанной на глубокомъ изученіи характера, обычаевъ, исторіи и національныхъ учреждений японскаго народа. Когда проектъ его былъ зрѣло обработанъ во всѣхъ подробностяхъ, онъ подалъ его правительству съ просьбою приступить къ разсмотрѣнію его теперь же.

Правительство не только одобрило проектъ, но поручило и выполненіе его самому коммодору.

Инструкціи вашингтонскаго кабинета, составленныя государственнымъ секретаремъ Даниломъ Уэбстеромъ, излагаютъ съ ясною простотою тѣ соображенія, которыя послужили точкой отправления американской политики.

«Скоро наступитъ время, когда надобно будетъ закрѣпить послѣднее звѣно цѣпи паровыхъ сообщеній, связывающей народы и океаны. Она уже простирается отъ Китая до Индіи и Египта; оттуда Средиземнымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ проникаетъ въ Англію, потомъ въ наше счастливое отечество и въ прочія страны этого континента; изъ нашихъ портовъ она спускается до перешейка, соединяющаго обѣ Америки, а съ другой стороны огибаетъ берега Тихаго океана въ двойномъ направленіи, съ сѣвера и съ юга, до тѣхъ предѣловъ, гдѣ встрѣчаются поселенія цивилизованныхъ людей. По всѣмъ этимъ линіямъ пароходы наши и другихъ народовъ разносятъ письма и газеты, капиталы и товары, людей и дѣла, въ прогрессіи постоянно возрастающей. Президентъ полагаетъ, что наступила минута связать оба конца этой великой цѣпи установленіемъ правильнаго пароваго мореплаванія изъ Калифорніи въ Китай. Для облегченія такого предпріятія намъ необходимо дозволеніе японскаго государя покупать уголь у его подданныхъ. Я даю вамъ письмо президента къ императору: вы отвезете это письмо на своемъ адмиральскомъ кораблѣ въ столицу его, Іедо. Вы можете взять для сопровожденія столько судовъ, сколько сочтете нужнымъ для удобнѣйшаго выполненія возложеннаго на васъ порученія.... Президенту не безызвѣстно, до чего доходитъ отвращеніе японцевъ ко всему чужестранному; тѣмъ не менѣе, онъ нисколько не сомнѣвается, что вамъ удастся побѣдить подобное предубѣжденіе. Весьма важно дать японскимъ властямъ, при случаѣ, понять, что наше правительство не имѣетъ ни власти, ни желанія оказывать какой либо гнетъ надъ религіозными вѣрованіями даже собственныхъ своихъ согражданъ. Слѣдовательно, японскій народъ, какъ и всякій другой, не будетъ никогда имѣть повода бояться нашего вмѣшательства въ его религіозныя дѣла или желанія распространять у него нововведенія.»

Не менѣе характеристично и письмо президента «къ его великому и доброму другу, государю Японіи».

«Американскіе Соединенные Штаты, писалъ Фильморъ, простираются отъ одного океана до другаго, и территоріи наши Орегонъ и Калифорнія лежатъ противъ владѣній вашего величества. Пароходы наши проходятъ это разстояніе въ осьмнадцать дней. Нашъ великій штатъ Калифорнія производитъ ежегодно около 60 милліоновъ долларовъ золота, не считая серебра, ртути и драгоценныхъ камней. Японія также страна богатая и плодородная, и произведенія ея имѣютъ большую цѣнность. Подданные вашего императорскаго величества славятся въ области искусствъ. Я желаю установить сношенія между обѣими странами; это въ равной мѣрѣ будетъ выгодно для Японіи и для Соединенныхъ Штатовъ.... Намъ извѣстно, что древніе законы имперіи не позволяютъ никакого торга съ иноземцами, кромѣ китайцевъ и голландцевъ; но какъ міръ мѣняется и учреждаются новыя правительства, то намъ казалось бы весьма благоразумнымъ возобновлять время отъ времени законы. Было время, когда древніе законы правительства вашего величества считались также новыми. Это происходило въ ту самую эпоху, когда послѣдовало открытіе Америки, которую часто называютъ новымъ свѣтомъ. Первые европейскіе поселенцы здѣсь были бѣдны и малочисленны. А теперь они сдѣлались великимъ народомъ; торговля ихъ распространилась повсюду, и они полагаютъ, что если бы ваше величество пожелали измѣнить старинные законы и дозволить свободный обмѣнъ между обѣими землями, то это было бы выгодно и для той и для другой. Единственною цѣлью посѣщенія, которое коммодоръ Перри, по приказанію нашему, долженъ сдѣлать во главѣ сильной эскадры, вашему славному городу Іедо, есть желаніе получить отъ вашего императорскаго величества дружественный и торговый трактатъ, уголь и необходимую провизію для нашего флота, а также дѣйствительное покровительство потерпѣвшимъ крушеніе согражданамъ нашимъ. Мы поручаемъ коммодору Перри просить ваше величество принять отъ насъ нѣсколько подарковъ. Сами по себѣ они не имѣютъ большой цѣны, но могутъ служить образцомъ того, что производится въ Америкѣ, и подносятся въ знакъ искренней и почтительной дружбы.

«Да соблюдетъ Всевышній ваше величество подъ своимъ святымъ и крѣпкимъ покровомъ!»

Отплывъ наканунѣ Рождества 1852 г., коммодоръ началъ дѣйствія свои въ маѣ 1853 г., переговорами о трактатѣ съ королевскимъ правительствомъ острововъ Лју-Кіу, данникомъ Японской имперіи, въ качествѣ обладанія — ихъ княземъ Сатсумою.

Къ востоку отъ Лју-Кіу, онъ вступилъ въ сношеніе съ обитателями Бонинскихъ острововъ, и купилъ у нихъ, именемъ Америки, извѣстное количество земли, предназначенной для учрежденія здѣсь станціи снабженія каменнымъ углемъ.

Соединенные Штаты обладаютъ уже подобной станціей, пониже, въ Гуамѣ, въ Маріаннскомъ архипелагѣ.

Присоединяя къ этимъ заведеніямъ существующія уже на островахъ Гаваи, получится полный рядъ этаповъ, организованныхъ для снабженія великой морской линіи отъ Калифорніи въ Японію и Китай.

Въ іюлѣ 1853 г. коммодоръ Перри, во главѣ отряда своей эскадры, появился въ первый разъ въ заливѣ Іедо, на высотѣ города Ураги. Онъ оставался непреклоннымъ ко всѣмъ представленіямъ японскихъ властей, заклинавшихъ его спуститься къ Нагасаки и вручить тамъ свои письма. Они приняты были въ Урагѣ, при торжественной конференціи двумя аккредитованными князьями, и коммодоръ объявилъ, что слѣдующей весною придетъ за отвѣтомъ со всей своей эскадрой.

Дѣйствительно, 11 февраля 1854 г., девять превосходныхъ судовъ бросили якорь противъ Йокогамы, которая лежитъ въ 12 километрахъ отъ города Іедо; особенное вниманіе обрацали большіе военные пароходы: *Susquehanna* подъ адмиральскимъ флагомъ, *Pouchaffan*, *Mississipi*, *Saratoga*. По прошествіи двѣнадцати дней посѣщеній, приглашеній, праздниковъ и банкетовъ, открылись конференціи въ Йокогамѣ, и, послѣ новыхъ празднествъ по случаю размѣна подарковъ, окончились 31 марта заключеніемъ трактата.

Этотъ документъ, заставившій Японію вступить въ цивилизацію, судьбу и неизбѣжную солидарность новаго міра, извѣстенъ подъ именемъ Канагавскаго трактата: такъ называется городъ расположенный на сѣверномъ берегу Йокогамскаго залива, противъ деревни, гдѣ происходили конференціи. Въ немъ есть гостиница, или, вѣрнѣе, каравансарай, принадлежащій правительству, въ которой императорскіе комиссары имѣли помѣщеніе.

Обогнувъ въ ночь съ 24 на 25 апрѣля южную оконечность великаго острова Ниппона, то есть мысъ Идсуми, лежащій на южной окраинѣ княжества Ксіу, мы шли подъ парусами весь день 25-го, по направленію японскаго теченія Куро-Сиво, идущаго съ юго—запада на сѣверо-востокъ, со скоростью отъ 35 до 40 миль въ сутки. Это теплое теченіе, наивысшая температура котораго достигаетъ 30° стоградуснаго термометра.

Погода стояла ясная, и море сверкало изумруднымъ блескомъ. По цѣлымъ часамъ стоялъ я на палубѣ, погрузившись въ какой-то отдыхъ и неопредѣленное созерцаніе. Въ первый разъ испытывалъ я удовольствіе плаванія подъ парусами. Тишина, царствовавшая на палубѣ отвѣчала вполне величавому виду корабля, распустившаго тройной этажъ бѣлыхъ парусовъ на своихъ трехъ мачтахъ. Мы, точно нарочно, погасили огни и остановили шумъ машины, чтобы собраться съ духомъ и предстать болѣе достойнымъ образомъ къ воротамъ резиденціи тайкуновъ. Между тѣмъ спустилась ночь, и, во избѣжаніе всякой случайности, пары были снова разведены, потому-что береговой вѣтеръ нерѣдко мѣшаетъ движенію судовъ, готовящихся переплыть проходы залива Іедо.

26-го, на разсвѣтѣ, мы находились въ виду шести гористыхъ мелкихъ островковъ, которые поднимаются, словно сигналы, у входа въ этотъ обширный морской рукавъ; одинъ изъ нихъ Міакезима отличается высокою и широкою вершиною, покрытою вѣчными снѣгами. Восходящее солнце явилось намъ въ густомъ морскомъ туманѣ, въ видѣ кроваваго круга, изображеніе котораго на бѣломъ фонѣ составляетъ національный гербъ Японіи. Первые лучи его падаютъ на мысъ Идсу, на большой островъ Ниппонъ, находящійся съ права; съ сѣверо-запада поднимаются два дымящіеся кратера острова Огозима.

Внутри залива, вѣзавшагося въ Идсусскій мысъ, расположенъ городъ Симода, первый, но наименѣе важный изъ торговыхъ мѣстъ, встрѣчаемыхъ вдоль залива Іедо. Американцы получили разрѣшеніе основать тамъ колонію въ 1854 г., но бывшее землетрясеніе покачнуло почву симодскаго рейда и въ договорахъ 1858 г. болѣе объ этомъ городѣ уже не упоминается. На берегу виднѣется множество рыбацкихъ лодокъ, а иногда проходятъ и болѣе видныя суда о двухъ или трехъ парусахъ, совершающіе рейсы между островами Ниппономъ и другими его окружающими. Картина эта, полная жизни

и облитая яркимъ свѣтомъ, представляетъ замѣчательную гармонію цвѣтовъ: безпредѣльное пространство небеснаго свода—самой яркой лазури; море зеленоватое, но совершенно лишенное того мрачнаго оттѣнка, который встрѣчается на большихъ глубинахъ и вполнѣ еще обладающее прозрачностью, характеризующею воды близъ каменистыхъ береговъ Японіи. Острова нарядно украшены блестящей весеннею зеленью, суровыя краски утесовъ разсвѣчиваются богатыми отливами охры, а бѣлые паруса туземныхъ лодокъ вмѣстѣ съ снѣжными вершинами Міакезина и дымомъ отъ кратеровъ Огозима, заканчиваютъ эту прелестную, полную жизни, морскую картину.

Прошедши вулканическій островъ, на которомъ мы увидѣли лѣсистые холмы, обработанныя поля и даже цѣлыя селенія, мы обогнули Сагамійскій мысъ и вошли въ узкій проходъ залива Іедо, называемый каналомъ Урага, по имени города, въ которомъ остановилась эскадра commodora Перри въ 1853 г. Во время перваго своего посѣщенія, американскій посланникъ изложилъ уполномоченнымъ отъ японскаго правительства цѣль своего посѣщенія и вручилъ имъ письмо для передачи тайкуну отъ президента Соединенныхъ Штатовъ. Въ то же время, онъ извѣстилъ ихъ, что пріѣдетъ за отвѣтомъ въ будущемъ году. По возвращеніи своемъ въ 1854 г. не внимая представленіямъ урагинскаго губернатора, имѣвшаго приказъ задержать его передъ этимъ портомъ путемъ увѣреній, commodоръ прошелъ мимо, желая этимъ оказать благодѣтельное насиліе на Іедскій дворъ. Однако, не желая черезъ мѣру попираить народную щекотливость, онъ не дошелъ до столицы, а бросилъ якорь въ двѣнадцать километрахъ къ югу отъ Іедо. Шесть недѣль спустя, 31 марта 1854 г., онъ подписалъ Канагавскій договоръ, обѣщавшій новыя сношенія Японіи съ Западомъ.

Нынѣ, названія многихъ пунктовъ той области, гдѣ мы находимся, носятъ на себѣ воспоминаніе знаменитаго американскаго посольства. Выше Ураги лежитъ бухта Сюскегана—противъ нее, на восточномъ берегу—Саратогскій мысъ, а еще выше, на западной сторонѣ—бухта Миссисипи. Эти имена принадлежатъ тремъ главнѣйшимъ кораблямъ американской эскадры. Острова Перри и Вебстеръ, на западномъ берегу, увѣковѣчиваютъ память commodora и знаменитаго секретаря Американскихъ Штатовъ, бывшаго организаторомъ и душою экспедиціи.

Впереди Саратогскаго мыса лежитъ песчаная банка, часто бывшая причиной морскихъ бѣдствій, болѣе или менѣе важныхъ, между которой и берегомъ остается фарватеръ не болѣе шести миль ширины.

Но вскорѣ начинается собственно Іедскій заливъ, который расширяется все болѣе и болѣе отъ юга-запада къ сѣверо-востоку на разстояніи 30 миль до самаго того мѣста, гдѣ его воды омываютъ громадную столицу Японіи. Здѣсь онъ оканчивается, описывая такимъ образомъ дугу круга, имѣющаго 22 мили въ діаметрѣ, считая отъ востока къ западу.

Къ одинадцати часамъ утра, *Коортан* замедлилъ ходъ, а какъ было воскресенье, то колоколъ созвалъ экипажъ къ богослуженію. Всѣ спустились на палубу и усѣлись на скамьяхъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ столика, покрытаго голландскимъ флагомъ. Вахтенный офицеръ положилъ на столикъ толстую библію, сѣлъ на складной стулъ и прочелъ евангеліе того дня, изъ XII главы, *Дняній Апостольскихъ*. Къ этому присоединилъ онъ нѣсколько поученій изъ *Библейскихъ размышленій* Наполеона Русселя; затѣмъ всталъ, а за нимъ все собраніе, и послѣ отпускнаго благословенія, командиръ корвета распустилъ экипажъ.

Сознаюсь, богослуженіе на палубѣ судна растрогало меня. Въ морѣ, какъ на горахъ, несовершенство формъ божественной службы, становится вещь малозначущею въ сравненіи съ величавымъ храмомъ природы. Здѣсь чѣмъ проще обряды—тѣмъ лучше.

Къ вынесеннымъ впечатлѣніямъ прибавлялось еще вліяніе удивительной картины, которая возвратилась передо мною, какъ только я возвратился къ своему наблюдательному посту, на рангоутѣ.

Поднявшись до бухты Миссисипи, намъ впервые представилась вершина Фузіама (горы не имѣющей себѣ подобной) потухшій вулканъ, подымающийся на 12,450 футовъ надъ моремъ. Онъ находится въ пятидесяти миляхъ отъ берега, къ западу отъ бухты, и, за исключеніемъ цѣпи Аѳонскихъ холмовъ, совершенно уединенъ. Эффектъ, который производитъ эта огромная уединенная пирамида—выше всякаго описанія. Она придаетъ характеръ невыразимой торжественности пейзажамъ залива Іедо, которые и безъ того имѣютъ мрачный характеръ вслѣдствіе близости береговъ, мутнаго цвѣта морской воды и огромнаго количества кедровъ, сосенъ и другихъ деревьевъ съ темной зеленью, опоясывающихъ гребни всѣхъ прибрежныхъ холмовъ.

Наконецъ мы обогнули мѣсто Договора, мысъ живописнаго вида, гдѣ была подписана конвенція между commodоромъ Перри и комиссарами тайкуна, а сзади этого мыса предъ нами неожиданно раз-

вернулась набережная и улицы города Иокогамы, тянувшіеся по длинной болотистой почвѣ, окаймленной съ юга и запада лѣсистыми холмами.

Штукъ двадцать военныхъ и купеческихъ судовъ, англійскихъ, голландскихъ, французскихъ и американскихъ, стоятъ на рейдѣ, почти противъ франкского квартала, отличающагося своими бѣлыми домами и консульскими флагами. Туземные джонки покоятся на якоряхъ, въ небольшомъ разстояніи отъ портовыхъ насыпей и таможенныхъ магазиновъ. Мы медленно плывемъ мимо на слабыхъ парахъ и огибаемъ во всю длину японскій городъ, всѣ дома котораго, за исключеніемъ небольшого количества магазиновъ, выстроены изъ дерева и не возвышаются надъ землею не болѣе одного этажа. Когда мы достигли Бентанскаго квартала, расположеннаго на краю морскаго берега Иокогамы, при устьѣ широкой рѣки, нашъ корветъ, по собственному выбору, бросилъ якорь вблизи голландскаго посольства. Въ то время это была единственная европейская резиденція, устроенная въ этой части японскаго города. Я высадился на берегъ на слѣдующее утро, и мой отличный хозяинъ, г. Польцброекъ, генеральный нидерландскій консулъ, далъ мнѣ помѣщеніе въ главной части зданія занимаемаго имъ самимъ.

ГЛАВА IV.

ЕВРОПЕЙСКІЯ РЕЗИДЕНЦІИ ВЪ ЯПОНИИ.

Голландская резиденція. — Ея жильцы. — Наша прислуга. — Уроки японскаго языка.

Голландская резиденція Бентанъ была построена японскимъ правительствомъ, воспользовавшимся этимъ случаемъ, чтобъ разрѣшить по своему интересную, международную задачу, то есть примѣненія туземной архитектуры къ требованіямъ нашей цивилизаціи. Главное зданіе имѣетъ видъ продолговатаго четырехугольника, состоящаго изъ двухъ высокихъ стѣнъ со шпичами на сѣверной и восточной сторонахъ, и изъ двухъ длинныхъ и низкихъ боковыхъ фасадовъ, обращенныхъ къ югу и сѣверу и, выстроенныхъ частью изъ кирпичей, а частью изъ дерева и битой глины. Веранда, обширная деревянная галерея, отстоящая отъ земли на три фута и поддерживаемая столбами на подобіе швейцарскихъ хижинъ, огибаетъ три фасада съ сѣверной, западной и восточной сторонъ. По срединѣ каждаго фасада находится изящное крылечко, спускающееся въ садъ. Изъ всѣхъ жилыхъ покоевъ выходятъ на веранду стеклянныя створчатыя двери, замѣняющія окна. На восточномъ фасадѣ, занимаемомъ однимъ только заломъ, находятся четыре такихъ двери, а на сѣверномъ — восемь. На западномъ — парадное крыльцо съ главнымъ входомъ во внутрь дома; отъ него идетъ весьма просторный и высокій корридоръ, ведущій къ залу и сообщающійся со всѣми другими покоями. Такимъ образомъ, каждая комната совершенно не зависитъ отъ другой и имѣетъ два выхода — одинъ на веранду, другой въ корридоръ. На южной сторонѣ помѣщаются только бани, чуланы, кладовыя, службы, кухня и спальни. Благодаря высокимъ потолкамъ и обширнымъ размѣрамъ кухни и корридора, воздухъ свободно проходитъ по всѣмъ комнатамъ. Что касается до свѣта, то прониканію его во внутрь зданія сильно бы мѣшала веранда, еслибъ это неудобство не устранялось, до нѣкоторой степени, многочисленностью стеклянныхъ дверей.

Таковъ нижній и единственный этажъ нашего Бентанскаго жилища; остальная часть этого обширнаго зданія состоитъ изъ кровель, искусно соединенныхъ между собою, но не заключающихъ внутри ничего: ни этажей, ни чердаковъ, ни комнатъ, ни мансардъ, ни даже слуховыхъ оконъ. Такого рода архитектура, усвоенная въ Японіи, вѣроятно имѣетъ цѣлью дать возможность весьма большимъ даже зданіямъ, какъ напримѣръ храмамъ и дворцамъ, — устоять противъ землетрясеній и разрушительной силы урагановъ, извѣстныхъ подъ именемъ тифоновъ.

Наружная лѣстница вьется зигзагами по южной сторонѣ кровли и ведетъ на вершину зданія, гдѣ устроенъ бельведеръ. Часто мы наблюдали съ высоты этой воздушной обсерваторіи прибытіе пакетбота, привозящаго европейскую почту, и также часто входили туда, когда, получившая истори-

ческую извѣстность, медлительность японскаго правительства ставила насъ на цѣлые мѣсяцы въ положеніе пассажировъ судна, стоящаго на мѣстѣ по причинѣ штиля.

Тогда видъ рейда, союзныхъ эскадръ и строящихся европейскихъ городовъ напоминалъ намъ, что если не всѣ дѣла идутъ достаточно быстро, чтобъ удовлетворить нашему нетерпѣнію, то все-таки великое дѣло открытія Японіи для европейцевъ понемногу совершается.

Довольно трудно себѣ представить, чтобы въ обширномъ государствѣ неподвижность могла сдѣлаться не только государственнымъ принципомъ, но и исполнѣ установленнымъ общественнымъ фактомъ. А между тѣмъ въ Японіи это такъ. Никакихъ событій во внутренней жизни, никакихъ внѣшнихъ сношеній: — вотъ неизмѣнная программа японскаго правительства въ теченіе двухъ столѣтій, и оно можетъ утѣшаться тѣмъ, что почти успѣло ее исполнить. Но въ самую лучшую минуту, среди глубокаго мира, когда единственное иностранное заведеніе, терпимое въ имперіи, не внушало болѣе никакихъ уже опасеній, — является вдругъ нѣкъмъ непредвидѣнное обстоятельство, примѣненіе пара къ мореплаванію, и сразу похищаетъ у японскихъ властей плоды ихъ терпѣливыхъ трудовъ. Неожиданное появленіе нѣсколькихъ военныхъ пароходовъ въ Іедскомъ заливѣ было какъ бы протестомъ челоуѣчества противъ чудовищнѣйшей политической абераціи, порожденной духомъ касты въ соединеніи съ національною гордостью. Однимъ своимъ присутствіемъ они низвергли постройку, которая должна была закрыть навсегда входъ въ великолѣпную страну, назначенную самимъ Провидѣніемъ служить естественною станціею на пути изъ Китая въ Новый Свѣтъ. Въ настоящее время, картина, поражающая наши взоры, вызываетъ не меньшее удивленіе: не смотря на старинные законы, глухую оппозицію и традиціонное сопротивленіе, новѣйшая цивилизація проникаетъ во всѣ слои японскаго общества; значеніе великой островной имперіи начинаетъ значительно перевѣшивать въ коммерческихъ интересахъ западнаго міра, и чтобы добиться, въ теченіи какихъ нибудь двѣнадцати лѣтъ, подобныхъ результатовъ, стоило только появиться на сцену нѣсколькимъ военнымъ судамъ, да впутать въ это дѣло меркантильную дѣятельность двухъ или трехсотъ европейцевъ и американцевъ, которые, какъ капля въ морѣ, должны были бы исчезнуть среди 30 миллионнаго населенія туземцевъ.

Въ описанномъ мною домѣ живутъ только четыре особы: нидерландскій генеральный консулъ и его правитель канцеляріи, мой секретарь-переводчикъ голландецъ и я. Но насъ окружаетъ цѣлая колонія чиновниковъ и служителей, живущихъ въ разныхъ домикахъ, разсѣянныхъ между рощицами и клумбами сада. Вблизи западнаго крыльца нашей квартиры находится жилище полицейскаго агента при консульствѣ. Въ этомъ-то павильонѣ устроили мы свою маленькую фотографическую мастерскую и караульную для солдатъ, составлявшихъ экипажъ нидерландской эскадры. Немного подалѣе отъ нея, находится складочное мѣсто несгораемыхъ вещей, герметически закрытое дверью и желѣзными ставнями. Помѣщеніе привратниковъ находится съ боку отъ воротъ въ садъ, который обнесенъ высокимъ заборомъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ обращенной къ бухтѣ; здѣсь заборъ замѣняется бамбуковыми жердями, горизонтально положенными надъ водой, наравнѣ съ террасою, идущею вдоль морскаго берега. Входъ, какъ и заборъ, окрашенъ черной краскою и на вершинѣ главныхъ столбовъ, покрытыхъ мѣдью, онъ состоитъ изъ трехъ дверей: одна большая — посрединѣ, отворяющаяся на обѣ половины и чрезъ которую входятъ только хозяева и гости, и двѣ маленькія — по бокамъ, для разношниковъ, тамошнихъ купцовъ и служителей; онѣ раскрыты цѣлый день и запираются только по захожденіи солнца. Главный привратникъ — почтенный отецъ семейства, представляетъ для остальной прислуги и даже для сосѣдей нѣкотораго рода патріархальный авторитетъ. Его комната, гдѣ всегда можно найти готовый чай, трубки, табакъ и бразеро-родъ пива, составляетъ сборное мѣсто для избраннаго общества праздношатающихся и кумушекъ бенганскаго квартала. Тѣмъ не менѣе, служба идетъ своимъ порядкомъ, съ правильностію, совершенно удовлетворительною для крайняго Востока. Занятія привратниковъ, или *монбановъ*, какъ ихъ называютъ въ Японіи, не ограничиваются охраненіемъ, отпираньемъ и запираньемъ ввѣренныхъ имъ дверей: они должны также возвѣщать часы дня и ночи, ударяя небольшимъ молоткомъ въ гонгъ, бронзовый щитъ, привѣшенный къ косяку двери; они употребляютъ тотъ же молотокъ для извѣщенія о приходящихъ въ домъ лицахъ. Одинъ ударъ означаетъ купца или мѣщанина изъ свободнаго квартала, два — офицера или переводчика, три — консула, командира корабля и японскаго губернатора, четыре — министра или адмирала. Дорога отъ главныхъ воротъ до входа въ самый домъ достаточно длинна, чтобы можно было поспѣть приготовиться къ приему посѣтителей.

Наконецъ *монбанъ* обязанъ самъ дѣлать ночные обходы кругомъ домовъ по два раза въ часъ, по всѣмъ аллеямъ и между террасами находящимися въ саду; иногда онъ поручаетъ это своимъ помощникамъ, за которыхъ, впрочемъ, всегда отвѣчаетъ самъ. Дѣлающій обходъ даетъ знать о своемъ присутствіи тремя ударами — однимъ продолжительнымъ и двумя короткими, ударяя одинъ о другой два четырехгранные бруска. Въ случаѣ опасности онъ долженъ бить тревогу посредствомъ частыхъ ударовъ въ гонгъ. Вдоль южной стороны забора тянется цѣлый рядъ жилищъ, дворовъ и разныхъ построекъ, тщательно скрытыхъ за густыми деревьями. Прежде всего вы видите прачешную, которою заправляетъ китайскій бѣлизчикъ, затѣмъ идутъ конюшни, а про-

Видъ города Децима.

тивъ нихъ находятся хижины конюховъ, или *бето*, которые всѣ японцы. У всякой лошади есть свой *бето*, никогда, такъ сказать, не теряющій ее изъ виду, такъ что, когда кто нибудь изъ насъ прогуливается верхомъ, хотя бы весьма продолжительно, *бето* бѣжитъ впереди или рядомъ съ ѣдущимъ, чтобы быть всегда подъ рукою, когда понадобятся его услуги. Эти сильные служители составляютъ во всей странѣ корпорацію, имѣющую свой собственной судъ; начальникъ, или король этой корпораціи пользуется правомъ, при отправленіи своихъ обязанностей, носить саблю. *Бето* обыкновенно средняго роста, но хорошо сложены. Они большею частью ходятъ почти совершенно нагіе, но когда имъ приходится сопровождать барина, то они надѣваютъ сандалии, легкую синюю куртку и покрываютъ голову платкомъ того же цвѣта. Одинъ изъ нашихъ *бето* женатъ, и всякое утро, при восходѣ солнца, гордо становится у окраины колодца, чтобы обливать поочередно свѣжей водой жену, дѣтей, лошадь и наконецъ самого себя.

За конюшнями слѣдуетъ псарня, въ которой живутъ двѣ борзые собаки, одна гончая, одна дворняжка и одинъ шпицъ, потомъ птичій дворъ, наполненный пѣтухами, курами, гусями, и утками туземныхъ породъ,

Наконецъ, вы доходите до жилища *компрадора*, поваровъ и *коскейцевъ*. Первый, по выраженію японцевъ, нанкинганъ, т. е. родомъ изъ Нанкина, или, какъ они говорятъ для краткости, по про-

сту нанкинъ, т. е. китаецъ. Нашъ нанкинъ носитъ свой національный костюмъ, не исключая косы, которою онъ гордится, потому что она спускается ниже колѣнъ. Обязанности компрадора тѣ же, что у насъ обязанности метръ-дотеля. На всемъ крайнемъ Востоку европейцы обыкновенно передаютъ эти обязанности въ руки китайцевъ, отъ природы одареннымъ гениемъ кухни, рынка и домашнего управленія, къ которому присоединяется еще искусство ловко обкрадывать своихъ господъ. Изъ нашихъ поваровъ туземцевъ, осуществляющихъ подъ нашимъ высшимъ наблюденіемъ замысловатый эклектизмъ, составленный изъ кулинарныхъ школъ Европы, Индіи и Китая, одинъ имѣетъ какъ мнѣ кажется, свое собственное хозяйство въ одномъ изъ уголковъ колоніи.

Намъ прислуживаютъ два яванца, по имени Сиденъ и Сариденъ, и маленькій китаецъ изъ секты тэйпинговъ, съ длинными волосами, обрѣзанными въ кружокъ позади головы, на манеръ малайцевъ. Имя его—Ребель. Бѣдствія великаго возмущенія тэйпинговъ противъ манжурской династіи создали въ китайскихъ портахъ, открытых для иностранной торговли, новую промышленность заключающуюся въ продажѣ дѣвушекъ и мальчиковъ, захваченныхъ императорскими войсками или ихъ союзниками въ возставшихъ мѣстностяхъ, обреченныхъ рѣзнѣ и пожарамъ. Этимъ-то путемъ перешелъ нашъ маленький Ребель изъ рукъ солдатъ французско-китайской арміи на рынокъ Шангаи, а оттуда въ Японію. Однажды, нарочный, отправляемый французскимъ посольствомъ, и принадлежавшій къ легкой африканской пѣхотѣ, былъ введенъ въ нашу столовую, чтобы отдать привезенную имъ депешу. Ребель, лишь замѣтилъ его, какъ началъ дрожать всѣми членами и, спотыкаясь, убѣжалъ въ одну изъ дверей веранды. У бѣднаго мальчика осталось одно только воспоминаніе дѣтства, но воспоминаніе ужасное, заставлявшее его леденѣть отъ ужаса всякій разъ, какъ какой нибудь случай пробуждалъ это воспоминаніе—это были дома, объятые кругомъ него пламенемъ, и человѣкъ, одѣтый въ красное, который подошелъ къ нему, схватилъ его, бросилъ себѣ подъ мышку и унесъ далеко отъ дома.

Обязанности комнатной прислуги исполняются *коскейцами*, которые всѣ туземцы. У всякаго живущаго въ домѣ есть свой особый *коскейцъ*. Мнѣ прислуживаетъ молодой мальчикъ по имени То. Какъ большая часть японцевъ, онъ не знаетъ въ точности сколько ему лѣтъ, но достоверно то, что онъ еще не вышелъ изъ отрочества, потому что ему еще не брили передней части головы до макушки. Онъ одаренъ большою смысленностью и чрезвычайно-ровнымъ характеромъ, не уступаетъ нашимъ яванцамъ въ молчаливомъ и спокойномъ исполненіи своихъ обязанностей, но имѣетъ надъ ними то преимущество, что гораздо больше ихъ знаетъ и, кромѣ того, всегда веселъ и любезенъ. У него взялъ я первый урокъ японскаго языка. Въ трехъ словахъ онъ далъ мнѣ ключъ къ пониманію разговорнаго языка, и я думаю, всякій увидитъ, до какой степени употребляемая имъ бессознательно метода соотвѣтствовала правиламъ философіи. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ дѣйствія ума сводятся къ тремъ главнѣйшимъ проявленіямъ: къ сомнѣнію, отрицанію и утвержденію. Если умѣешь выразить дѣйствія, то все остальное есть только дѣло словаря, т. е. достаточно запомнить извѣстное количество обыденныхъ словъ, чтобы, при всякихъ обстоятельствахъ, умѣть объясняться. И такъ, начнемъ съ сомнѣнія и скажемъ по японски: *аримаска*, т. е. есть-ли? потомъ перейдемъ къ отрицанію *аримази* «нѣтъ» (что нибудь) и кончимъ утвержденіемъ: *аримасъ*—«есть». Послѣ этого, лексиконъ научить насъ словамъ, которыя намъ могутъ почудиться, какъ напр. Ниппонъ—Японія, японецъ; чи—огонь; ча—чай; ма—лошадь; мизу—вода; фуне—лодка или корабль; кинква—война и пр. Къ нимъ мы прибавимъ тѣ слова, которыя, отъ долгаго употребленія, получили право гражданства въ Японіи, какъ то: голландъ—голландецъ, инглишъ—англичанинъ, францъ—французъ, министро—министръ, ампраль—адмираль. И намъ нужно будетъ только немного мимики, чтобъ безъ помощи переводчиковъ объясниться совершенно ясно. Напр., возвращаясь домой послѣ довольно долгаго отсутствія, я приказываю То принести мнѣ чаю и говорю: ча аримаска? Онъ отвѣчаетъ мнѣ: аримасъ, и скоро освѣжительный напитокъ уже стоитъ передо мной на столѣ. Я слышу какъ бьютъ тревогу и спрашиваю: нѣтъ ли пожара: чи-аримасъ? То отвѣчаетъ: аримасъ. Но чрезъ минуту огонь потушенъ и онъ приходитъ сообщить мнѣ пріятное извѣстіе: «аримази». Тѣмъ же способомъ я могу ему сказать, чтобы онъ поставилъ воду на огонь или налилъ ее въ чай, чтобъ онъ позвалъ мнѣ *бето* и велѣлъ ему осѣдлатъ лошадь, а онъ съ своей стороны можетъ мнѣ объяснить: пришла ли легкая почта изъ Англіи, вошелъ ли на рейдъ военный корабль, отправились ли японскіе министры на бортъ французскаго адмиральскаго судна. Я увольняю себя отъ дальнѣйшаго цитированія японскихъ фразъ, такъ какъ читатель можетъ теперь составить ихъ самъ. И такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ росъ и расширялся кругъ нашихъ разговоровъ.

Чтобъ дополнить исчисленіе всѣхъ лицъ нашей резиденціи, я долженъ еще упомянуть объ экипажѣ консульской шлюпки, состоящемъ изъ четырехъ гребцовъ и ихъ начальника, который такъ же хорошо владѣетъ веслами, какъ и его подчиненные, если только не лучше ихъ. Начальникъ женатъ и живетъ у самаго берега; гребцы обыкновенно устраиваютъ себѣ пристанище на почъ изъ той же шлюпки. Люди, занимающіеся этой профессіей, называются «сендосами» и составляютъ особенный цехъ между ремесленниками.

Нельзя приписывать какому нибудь исключительному стеченію обстоятельствъ тотъ фактъ, что наша прислуга содержала въ себѣ такъ много разнородныхъ и чуждыхъ другъ другу элементовъ; подобное сочетаніе весьма часто встрѣчается въ Британской Индіи и на крайнемъ Востокѣ.

Въ наше время паровыя суда, бороздяція всѣ моря земнаго шара, уподобляются тѣмъ древнимъ побѣдителямъ, которые приковывали къ своимъ триумфальнымъ колесницамъ побѣжденныхъ всѣхъ племенъ, нарѣчій и націй, съ тою только разницею, что нашъ промышленный и либеральный вѣкъ не обременяетъ цѣнями народовъ, покоренныхъ имъ цивилизаціи, а привязываетъ ихъ къ себѣ узами торговли, хорошей платы и вообще разными матеріальными интересами. Нерѣдко однако случается, что вопреки проповѣдуемымъ ими правиламъ, представители цивилизаціи въ новооткрытыхъ странахъ позволяютъ себѣ поступки, позорящіе ихъ на столько, на сколько въ древности была позорна эксплуатація одного человѣка другимъ, выражавшаяся въ формѣ рабства. Но если захотѣть отдать себѣ вѣрный отчетъ во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности нашей эпохи за послѣднее время, то придется сознаться, что корыстные и грубыя страсти менѣе чѣмъ прежде участвовали въ завоеваніяхъ цивилизаціи, и что никогда еще не было потрачено столько разумныхъ силъ, всецѣло отданныхъ на служеніе науки, общественного прогресса и евангельскаго милосердія.

Не признавать этой стороны нашей современной исторіи, хотя бы даже въ описаніи простаго путешествія, значило бы не понимать ея главной характеристики и отнимать у самого себя богатѣйшіе источники интереса, который она представляетъ.

ГЛАВА V.

НАШИ СОСѢДИ.

Торіи. — Храмы. — Часовни и бонзы. — Роль бонзъ. — Чайныя дома и рестораны. — Якуинны — японскіе чиновники. — Чиновничій лагерь. — Визитъ японскихъ дамъ.

Часть японскаго города Йокогамы, именуемая *Бентаномъ*, получила свое названіе отъ морской богини, боготворимой на островѣ, лежащемъ къ сѣверо-западу отъ нашей резиденціи. До прибытія европейцевъ, это священное мѣсто было окружено селеніями рыбаковъ и землепашцевъ и отдѣлялось только озеромъ отъ другаго, столь же скромнаго селенія Йокогамы. Въ настоящее время, улицы, мостовыя и разныя другія современные постройки покрываютъ собою все пространство отъ подошвы горы *Договора* до самой рѣки, отъ которой насъ отдѣляютъ только казармы и японская кордегардія. Одинъ лишь островъ Бентанъ, съ прилежащими къ нему непосредственно селеніями, не понесъ никакихъ измѣненій. Онъ выстроенъ въ глубинѣ бухточки, прорытой рѣкой не подалеку отъ ея впаденія въ рейдъ Йокогамы. Защищенный со всѣхъ сторонъ гранитными глыбами, онъ сообщается съ морскими улицами мостомъ, почти невидимымъ подъ чащей кустарниковъ, бамбуковъ и тростника, застилающихъ въ этомъ мѣстѣ почти весь каналъ. Но мы только на другомъ пунктѣ, по направленію къ востоку, открываемъ настоящій входъ на островъ и всѣ преддверія, достойныя святости мѣста.

Въ числѣ улицъ, ведущихъ изъ Бентана къ одному изъ послѣднихъ рынковъ японскаго города Йокогамы, есть одна, которую полиція днемъ держитъ открытою, а ночью закрытою, отбѣнная цѣлою плантаціею изъ сосенъ; а какъ только перейдешь за порогъ муниципальнаго барьера, какъ не

редъ глазами является, при входѣ въ каждую улицу, цѣлый рядъ сосенъ, предшественныхъ священными дверями, извѣстными подъ именемъ *тори*. Эти двери дѣлаются изъ двухъ столбовъ, нѣскольکو наклоненныхъ другъ къ другу такъ, что они могли бы наконецъ сойтись между собою въ одинъ острый уголъ, еслибъ на извѣстной высотѣ не были связаны горизонтальными перекладинами, изъ которыхъ верхняя, потолще, имѣетъ оба края слегка изогнутыми къ небу.

Тори почти всегда служатъ предвѣстникомъ храма, часовни или вообще какого нибудь священнаго мѣста. То, что на нашемъ прозаическомъ языкѣ называется любопытными рѣдкостями, напри- мѣръ гротъ, брызжущій источникъ, гигантское дерево или фантастическая скала, у японцевъ составляетъ предметъ священнаго богопочитанія или суевѣрнаго ужаса, смотря по тому, насколько каждый изъ нихъ зараженъ буддистскою демонологіею, такъ что бонзы страны никогда не забываютъ выразить въ болѣе опредѣленной формѣ эту народную религіозность и воздвигаютъ *тори* по близости каждаго замѣчательнаго мѣста.

Часто также разставляютъ въ симметрическомъ порядкѣ нѣсколько *тори* передъ входомъ въ храмъ и, такимъ образомъ, съ совершенно сельской простотою, воспроизводится у японцевъ идея архитектуры, выразившейся въ Греціи постройкой пропилеевъ, а у католиковъ—колонадой Святаго Петра.

Сосны, при входѣ въ Бентанъ, тонки, стройны, высоки и почти всѣ правильно наклонены въ одну сторону, отъ постоянного дѣйствія морскаго вѣтра. Время отъ времени ихъ пересѣкаютъ длинныя поперечныя жердины, на которыхъ, въ праздничные дни, бонзы развѣшиваютъ надписи, гирлянды и развѣвающиеся флаги. Въ концѣ аллеи устроено другое *тори*, поменьше перваго, что составляетъ необходимое условіе для приданія большей эффектности перспективѣ. По мѣрѣ того какъ подходишь ближе, съ удивленіемъ замѣчаешь, что аллея дѣлаетъ уголъ и поворачиваетъ направо. Здѣсь все полно таинственности; какая-то неопредѣленная почва, покрытая высокими травами, хворостомъ и небольшими пнями съ воздушной зеленью; налѣво—гладкая поверхность воды маленькой бухточки, образуемой рукавомъ рѣки, а передъ нами—деревянный мостъ, построенный въ строго изящномъ вкусѣ, обширный и сильно выгнутый, за которымъ видѣется третье *тори*, ярко отдѣляющееся на густой зелени высокихъ деревьевъ. Все это вмѣстѣ представляетъ странное зрѣлище, способное внушить чувство таинственнаго опасенія. По этому-то мосту, у котораго столбы отдѣланы мѣдными украшениями, мы доходимъ до самаго святилища. Третье *тори*, украшенное на своей вершинѣ надписью золотыми буквами по черному фону, высѣчено изъ цѣльнаго гранита замѣчательной бѣлизны, также какъ и надгробные памятники, со вкусомъ расположенные по лѣвой сторонѣ аллеи. Предъ нами храмъ, почти совершенно скрытый зеленью кедровъ и сосенъ его окружающихъ. Едва можно различить сквозь ихъ таинственную сѣнь лѣстницы, на которыхъ колѣнопреклоняются, проходящіе передъ алтарь богини, богомольцы.

Если храмъ пустъ, они могутъ позвать одного изъ дежурныхъ бонзъ, приводя въ движеніе, посредствомъ длинной шелковой тесьмы, большую связку побрякушекъ, привѣшенныхъ къ двери. Бонзъ тотчасъ является и, сообразно требованіямъ посѣтителей, даетъ свои наставленія, распредѣляетъ свѣчи и амулеты, уговаривается читать молитвы и наконецъ беретъ на себя служеніе обѣдни, простой или сопровождаемой музыкою; все это, разумѣется, исполняется за извѣстную плату.

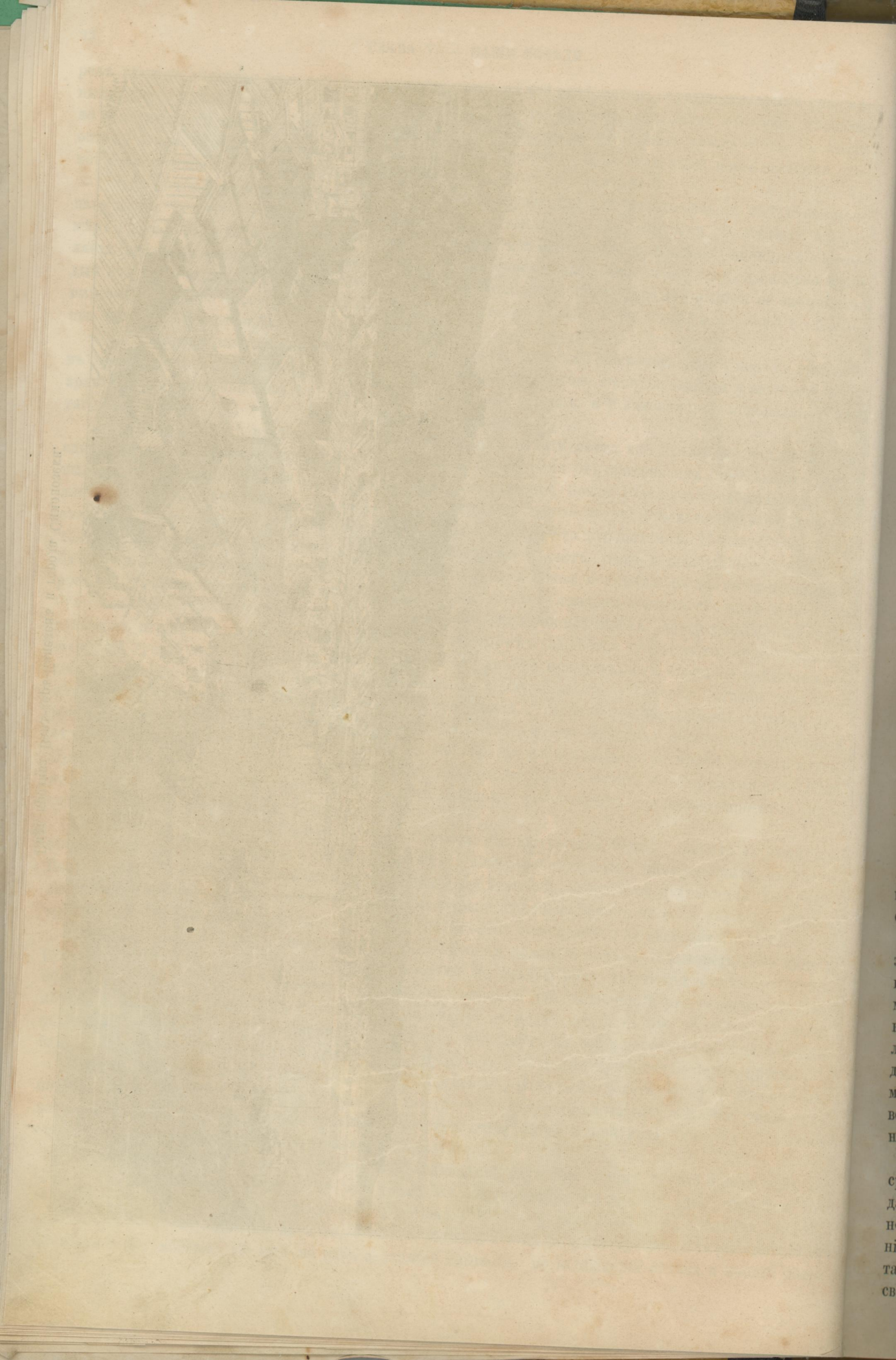
Прежде чѣмъ войти въ святилище, каждый японецъ долженъ вымыть и вытереть себѣ лице и руки. Для этой цѣли устроена, неподалеку отъ храма, по правую руку, маленькая часовня, содержащая въ себѣ резервуаръ съ освященной водою, назначенною для омовенія, и утиральники изъ шелковаго крепа, привѣшенные къ деревянному цилиндру, въ родѣ того, какъ это дѣлается въ ризницахъ. Двѣ другія часовни, находящіяся по сосѣдству, вмѣщаютъ въ себѣ: первая—большой турецкій барабанъ, замѣняющій при случаѣ колоколъ, а другая—добровольныя приношенія правовѣрныхъ.

Бонзы, находящіеся при храмахъ Бентана, повидимому, живутъ не богато. Одежда ихъ, по большей части, неопрятна и небрежна; выраженіе лица носитъ отпечатокъ тупоумія, недовольства и сильнаго недоброжелательства къ иностраннымъ посѣтителямъ; за то всякій предпочитаетъ держаться отъ ихъ святѣйшей особы въ почтительномъ отдаленіи.

Никогда мнѣ не удавалось ихъ видѣть отправляющими служеніе, кромѣ одного только раза, во время процессіи въ годовой праздникъ ихъ храма. Въ обыкновенные же дни они, какъ кажется, довольствуются тѣмъ, что къ нимъ приходятъ совѣщаться. Я впрочемъ мало видѣлъ народу, прибѣгающаго къ нимъ за совѣтами, да и то, большею частью, это были жены крестьянъ и рыбаковъ или проходящіе богомольцы. Но мнѣ не разъ случалось слышать, по захожденіи солнца и иногда даже

Видъ пролива Ванъ-деръ-Капеленъ и города Симонозеки.

въ глухую ночь,—звуки тамбуриновъ, составляющихъ, за исключеніемъ торжественныхъ дней, весь оркестръ храма Бентана.

Бонзы безъ конца бьютъ въ этотъ монотонный инструментъ, соблюдая всегда одинъ и тотъ же темпъ, напримѣръ: четыре удара ровныхъ и звучныхъ, и вслѣдъ за ними четыре такихъ же ровныхъ, но глухихъ, и такимъ образомъ они повторяютъ одно и то же цѣлые часы, составляющіе вѣроятно условное время, необходимое для удаленія злыхъ вліяній. Ничто не можетъ сравниться съ заунывнымъ впечатлѣніемъ, которое производитъ этотъ глухой, размѣренный шумъ, когда онъ сливается, въ глубокой тишинѣ ночи, съ завываньемъ вѣтра въ высокихъ кедрахъ и гуломъ морскихъ волнъ, такъ что наконецъ онъ начинаетъ давить какъ кошмаръ. Можно смѣло сказать, что религія, выражающаяся въ подобныхъ обычаяхъ, дѣйствительно тяготеетъ надъ умомъ народа, какъ какое нибудь зловѣщее сновидѣніе, исполненное безумныхъ страховъ. Язычество вовсе не есть естественная религія человѣка, напротивъ того—оно врагъ человѣческой природы, религія искаженного человѣка, и вотъ почему ея проявленія производятъ на посторонняго наблюдателя чувство какого-то неопредѣленного смятенія, котораго невозможно описать, и какого-то инстинктивнаго отвращенія. Миѣ кажется, что эти чувства гораздо болѣе служатъ указаніемъ на этотъ специальный характеръ язычества, чѣмъ все, что рождается подъ вліяніемъ предубѣжденій, внушенныхъ намъ нашимъ воспитаніемъ.

Непремѣнная принадлежность японскихъ храмовъ—чайные дома или рестораны, гдѣ больше всего пьютъ чай, а также и «саки»—опьяняющій напитокъ изъ перебродившаго риса; тамъ ѣдятъ также плоды, рыбу, рисовые или пшеничные пирожки и курятъ изъ маленькихъ металлическихъ трубокъ тонкій изрубленный табакъ, не заключающій въ себѣ никакихъ наркотическихъ примѣсей. Страсть къ опиуму неизвѣстна въ Японіи. Въ этихъ заведеніяхъ прислуживаютъ женщины и по большей части отличаются безукоризненной скромностью, хотя все-таки эти мѣста въ большинствѣ имѣютъ очень дурную репутацію, въ особенности тѣ, которыя находятся по близости Бентанскихъ *тори*. Это обстоятельство переноситъ насъ въ ту эпоху, когда маленький островъ, посвященный богинѣ моря, привлекалъ къ себѣ еще много странниковъ. Въ настоящее время алтарь богини замѣтно опустѣлъ, хотя въ сосѣдствѣ находится цѣлый военный кварталъ, которому городъ Йокогама обязанъ современной системѣ правленія, или точнѣе, преобладающему въ ней военному элементу.

Кварталъ *якуниновъ*, какъ мы его называемъ, содержитъ въ себѣ правительственныхъ чиновниковъ, служащихъ при таможенныхъ, при полиціи порта и открытыхъ для публики мѣстъ, обучающихъ милицію и охраняющихъ японскій городъ, также какъ и выходы изъ квартала франковъ. У *якуниновъ* нѣтъ другихъ отличительныхъ признаковъ ихъ должности, кромѣ круглой и остроконечной шляпы изъ лакированного картона и двухъ сабель, привѣшенныхъ къ поясу съ лѣвой стороны: одной большой, рукоятка которой такъ длинна, что за нее можно ухватиться обѣими руками, и другой маленькой, въ родѣ меча, служащей во время битвы одинъ на одинъ. И вотъ все, что можно замѣтить воинственнаго въ костюмѣ этихъ чиновниковъ. Ихъ насчитываютъ нѣсколько сотенъ; большая часть изъ нихъ женаты, у cadaго есть особая квартира и, въ этомъ отношеніи, всѣ они, какъ кажется, стоятъ на равной ногѣ.

Не лишено интереса прослѣдить способъ, употребленный правительствомъ тайкуна, для организаціи этого своего рода лагернаго помѣщенія для цѣлой арміи чиновниковъ съ полнымъ хозяйствомъ и для введенія въ него той строгой дисциплины, которою онъ отличается. Оно достигло этого, примѣняя, нѣкоторымъ образомъ, келейную систему къ ихъ семейной жизни. Представьте себѣ нѣсколько деревянныхъ строеній, соединенныхъ въ одно цѣлое, имѣющее видъ четырехугольника и представляющее съ наружной стороны улицы только досчатый заборъ, у котораго, въ равномъ разстояніи другъ отъ друга, пробиты низкія двери; каждая изъ нихъ ведетъ во дворъ, гдѣ помѣщается также маленький садикъ, резервуаръ съ водой, очагъ для кухни и другія службы. Въ глубинѣ двора, вровень съ землею, находится входъ въ просторную келью, которая можетъ быть раздѣлена на двѣ или на три части, посредствомъ подвижныхъ перегородокъ. Вотъ все помѣщеніе якунинскаго семейства.

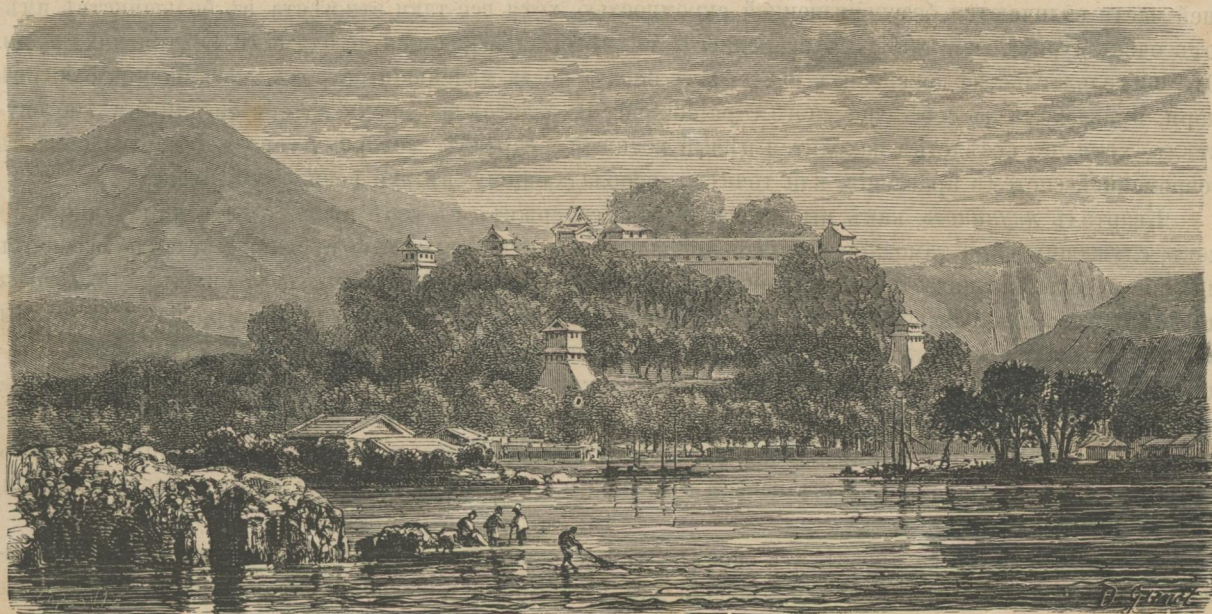
Каждый изъ продолговатыхъ четырехугольниковъ, составляющихъ улицы квартала, содержитъ среднимъ числомъ до дюжины такихъ помѣщеній—шесть съ одной стороны и шесть съ другой. Каждая келья покрыта сѣрыми черепицами, и ни одна кровля не возвышается надъ другою. Относительно правильности и однообразія, кварталъ *якуниновъ* можетъ составлять торжество строительнаго генія. Днемъ улицы совершенно пусты, потому что мужчины большую часть времени проводятъ въ таможенныхъ или въ караульныхъ, а до возвращенія своего главы ни одно семейство не выходитъ изъ своего тѣснаго помѣщенія. Обыкновенно даже дверь, чрезъ которую входятъ, наклонивъ голову, бы-

ваеѣ заперта въ теченіе этого времени заключенія. Впрочемъ, эти мѣры не имѣютъ ничего общаго съ тѣми смѣшными предосторожностями, которыми въ Турціи и другихъ мѣстахъ ревность окружаетъ добродѣтель замужней женщины; онѣ происходятъ скорѣе отъ установившагося въ Японіи общественнаго взгляда на положеніе семейнаго человѣка. Женщина видитъ въ немъ своего главу и господина. Подъ его охраняющимъ надзоромъ она съ полной непринужденностію занимается домашнимъ хозяйствомъ и не обращаетъ даже вниманія на взгляды чужестранца. Въ его отсутствіи она ведетъ себя съ такою сдержанностію, что ее можно было бы приписать скромности, еслибъ она не объяснялась гораздо лучше ея зависимымъ положеніемъ и запуганностію, развившейся въ ней подъ вліяніемъ супружества.

Мало-по-малу между нашей резиденціей и якунинскимъ кварталомъ установились отношенія добрыхъ сосѣдей. Въ Японіи, какъ и повсюду, маленькіе подарки скрѣпляютъ дружбу. Не разъ посылали мы то бѣлаго сахару, то явскаго кофе въ тѣ семейства, гдѣ были или больные, или роженицы, и эти послылки принимались съ благодарностію.

Однажды, когда я оставался дома, между четырьмя и пятью часами по полудні, монбанъ доложилъ мнѣ, что прибыла женская депутація изъ якунинскаго квартала, и спрашивалъ, нужно ли ей отказать? Дамы эти получили дозволеніе своихъ мужей засвидѣтельствовать намъ свою признательность и, пользуясь случаемъ, выразили желаніе осмотрѣть европейскую обстановку дома. Я отвѣчалъ, что беру на себя обязанность принять гостей въ нашемъ жилищѣ.

Вскорѣ послышался шумъ деревянной обуви по песчанымъ аллеямъ сада, и внизу лѣстницы, ведущей на веранду, противъ пріемной, показалась цѣлая группа улыбающихся лицъ, между кото-

Замокъ Маронгами на островѣ Сикокфѣ.

рыми были четыре замужнихъ женщины, двѣ взрослыхъ дѣвушки и дѣти разныхъ возрастовъ. Первыя отличались строгостію туалета: ни малѣйшаго украшенія въ волосахъ, никакой свѣтлой или черной матеріи на платьѣ, ни признака румянъ на лицѣ, но за то зубы выкрашены густой черной краской, какъ и причисляется, по японскимъ понятіямъ, всякой женщинѣ, имѣющей мужа. Напротивъ, молодыя дѣвушки усиливаютъ натуральную бѣлизну зубовъ слоємъ кармина на губахъ, румянятъ щеки, вплетаютъ въ густые черные волосы ленты яркаго пунсоваго крепа и носятъ широкій поясъ не менѣе яркихъ цвѣтовъ. Костюмъ дѣтей состоитъ изъ пестраго платья и такого же пояса; они не носятъ никакой прически и щеголяютъ съ бритой головой, съ той только разницей, что, смотря по возрасту и полу, оставляется нѣсколько прядей, болѣе или менѣе длинныхъ и самаго разнообразнаго вида: однѣ висятія, другія связанные вмѣстѣ и приподнятыя въ родѣ шишона.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и поклоновъ, ораторы депутаціи (потому, что случилось всегда, что двѣ и три женщины говорили разомъ), рассказали мнѣ, по японски, кучу любезностей, на что

я отвѣчалъ съ своей стороны по французски и знакомъ пригласилъ почтенную компанію войти въ залу. Не было сомнѣнія, что меня поняли: я услышалъ знакомыя уже выраженія благодарности, но вмѣсто того, чтобы взойти по лѣстницѣ, у меня о чемъ то спрашивали. Наконецъ, посѣтительницы замѣтили мое смущеніе и соединили мимику со словомъ, что значило: слѣдуетъ ли разуться въ саду или въ верандѣ? Я рѣшилъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, и приглашенныя, со всей свитой, тотчасъ поднялись по лѣстницѣ, сняли и поставили рядкомъ на полу веранды свои *соки*, и потомъ принялись топтато коври залы, дѣти голыми ногами, взрослые—въ бумажныхъ носкахъ, раздѣленныхъ на двѣ неровныя части, маленькую—для большого пальца, и большую—для остальныхъ четырехъ.

Первымъ ихъ впечатлѣніемъ было наивное удивленіе, за которымъ послѣдовалъ общій смѣхъ, при видѣ высокихъ зеркалъ трюмо, доходившихъ до паркета. Образъ посѣтительницъ отражался въ нихъ съ головы до ногъ, спереди и сзади. Пока молоденькія не уставали смотрѣться и вмѣстѣ разсматривать новое и привлекательное для себя украшеніе, матушки стали меня разспрашивать о значеніи повѣшенныхъ на стѣнѣ картинъ. Я имъ объяснилъ, что онѣ изображаютъ голландскаго тайкуна и его жену, также какъ и нѣкоторыхъ изъ великихъ дайміосовъ или принцевъ царствующаго дома.

Японскій губернаторъ.

Онѣ съ уваженіемъ поклонились, но одна, любопытство которой не удовлетворилось этимъ, стыдливо выразила предположеніе, что въ царскомъ обществѣ находится и портретъ бего его нидерландскаго величества. Разувѣрять мнѣ ея не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что трудно было бы дать ей понятіе о благородномъ стилѣ живописи, требовавшемъ изображенія государя во весь ростъ, съ боку лошади, которую конюхъ держитъ подъ-узцы. Прочія женщины, разсмотрѣвъ внимательно бархаты на софахъ и креслахъ, просили меня разрѣшить возникшій между ними споръ, относительно назначенія этой мебели: онѣ соглашались въ одномъ пунктѣ, что кресла сдѣланы для того, чтобы на нихъ садиться, но софа? Не слѣдуетъ ли сидѣть на ней, подобравши подъ себя и скрестивши ноги, особенно когда приходилось ѣсть за столомъ, стоящимъ напротивъ? Потомъ, онѣ отъ чистаго сердца принялись жа-

лѣтъ западныхъ дамъ и кавалеровъ, принужденныхъ безъ всякихъ удобствъ пользоваться мебелью и садиться, свѣшивая ноги до полу.

Моя комната, находившаяся подлѣ залы, оставалась отворенною настежь, а потому и подверглась всеобщему нашествію. Не буду описывать всѣхъ предметовъ удивленія, поражавшихъ взоръ любопытныхъ женщинъ. Японки не менѣе дѣти Евы, какъ и остальной женскій полъ: запретный плодъ, наиболѣе манившій ихъ, былъ рядъ пуговицъ мундира съ федеральнымъ швейцарскимъ крестомъ, согласно принятой формѣ моей родины. Приходилось поневолѣ подарить имъ нѣкоторыя, хо-

Молящіеся бонзы.

тя я и не могъ догадаться, на какое онѣ будутъ годны употребленіе, потому что японскія платя и мужскія и женскія застегиваются, просто, съ помощью шелковыхъ шнурковъ. Подарокъ нѣсколькихъ вещей парижской парфюмерной фабрикаціи оцѣненъ былъ также по достоинству, но напрасно пытался я превозносить похвалами о-де-колонъ: употребленіе батистовыхъ платковъ совершенно незнакомо японскимъ дамамъ. Сколько я ни показывалъ имъ образчиковъ этого рода, отлично вышитыхъ искусными работницами Аппенцеля, онѣ соглашались только, что все это годится, пожалуй, щеголихамъ Іеддо вмѣсто манжетъ къ широкимъ утреннимъ платьямъ, но что ни одна, даже самая простая женщина, не возьметъ въ руку и не положитъ въ карманъ кусокъ матеріи, въ которую она сморкалась. Небольшіе четырехугольные лоскутки растительной бумаги, которые носятъ свернутые

въ складкахъ платья, на груди и въ карманѣ рукава и бросаются, по мѣрѣ употребленія, ни мало не рискуютъ быть вытѣсненными нашей варварской модой. Относительно же о-де-колона можно помириться на томъ, чтобы примѣшивать его къ колодезной водѣ Бентана, для отнятія у послѣдней солоноватаго вкуса.

Другой пунктъ, въ которомъ, по мнѣнію нашихъ посѣтительницъ, японская цивилизація беретъ неоспоримый верхъ надъ европейской, заключается въ нашей манерѣ писать, которая повела даже, къ образованію любезнаго названія бумагомарателя. Японцы съ этой цѣлью употребляютъ кисть, палочку китайской тупи и свертокъ шелковистой бумаги. Эти вещи они всюду таскаютъ съ собою: на рынокъ, на прогулку съ визитомъ, въ путешествіяхъ. Свертокъ бумаги кладется за пазуху, кисть и чернилица запираются въ футлярѣ, висащемъ на поясѣ, подлѣ трубки и небольшого кисета съ табакомъ.

Чтобы поправить невыгодное мнѣніе о насъ, я вынулъ рабочій баульчикъ съ нитками, булавами, иглами и попросилъ якунинскихъ госпожъ пустить эти орудія въ дѣло. Онѣ единодушно провозгласили несовершенство швейныхъ принадлежностей своей родины, потому-что ни одна изъ нихъ не изготовляется посредствомъ машины. Поэтому шитье не играетъ въ обществѣ японскомъ такой роли, какъ у насъ въ нашихъ буржуазныхъ семействахъ. Ни во время визитовъ, ни въ разговорахъ здѣшнихъ дамъ о немъ не упоминается ни слова. Какъ въ Европѣ мужчины прибѣгаютъ къ сигарѣ, такъ въ Японіи женщины прибѣгаютъ къ трубкѣ, для оживленія разговора.

Въ заключеніе я далъ дѣтямъ нѣсколько эстамповъ, съ изображеніями видовъ и костюмовъ швейцарскихъ, а большимъ показалъ альбомъ съ семейными фотографіями, которыя онѣ разсматривали съ чувствомъ и интересомъ, по-инстинктъ, трогательнымъ. Единство и тождество человѣческихъ расъ выказывается, у всѣхъ народовъ и во всѣхъ климатахъ, самымъ краснорѣчивымъ образомъ, въ области натуральныхъ привязанностей.

Что значитъ разность языковъ передъ языкомъ всемірнымъ, высказывающимся выраженіемъ глазъ, слезою, блестящею на рѣсницахъ, интонаціей голоса, однимъ словомъ всѣми ощущеніями сладкими и потрясающими, какъ Медельсоновы пѣсни безъ словъ, вѣзавшіяся у всѣхъ въ памяти? Для народовъ первобытной цивилизаціи, путешественникъ является существомъ возбуждающимъ глубокое сожалѣніе, потому-что разлученъ со всѣмъ дорогимъ для него въ жизни: семействомъ, отеческимъ кровомъ, странною своихъ предковъ. Къ состраданію примѣшивается религіозное удивленіе, если странникъ покинулъ родину для выполненія какого нибудь набожнаго обѣта. Но общество, которымъ я окруженъ, не можетъ понять, какъ люди рѣшаются переплывать моря, ради земныхъ цѣлей. Будь я еще политическій изгнанникъ, жертва строгости правительственной, имъ это было бы понятно, но узнавши, что я не пилигримъ и не эмигрантъ, онѣ вмѣстѣ съ наивной симпатіей выказывали удивленіе, смѣшанные съ нѣкоторымъ страхомъ.

Я теперь вижу, какъ я далекъ отъ Европы, среди людей чуждыхъ цивилизаціи!—Не пора ли подвинуть этихъ островитянъ къ образованію, привить къ нимъ новыя идеи и понятія, болѣе сообразныя съ духомъ времени!

ГЛАВА VI.

СТРАНА И НАРОДЪ.

Птицы. — Добродушіе приморскаго населенія. — Японская весна. — Рисовыя плантаціи. — Горцы. — Пути сообщенія и переправы.

Изъ всѣхъ деревенскихъ сосѣдей, которыми я, по обыкновенію, бываю окруженъ и которые составляютъ едва ли не главную прелесть моего жилища, болѣе всего занимаютъ меня птицы. Море выбрасываетъ къ подножію садовой террасы множество растительныхъ остатковъ, тысячи рыбъ, ракообразныхъ, моллюсковъ всѣхъ видовъ, однихъ оглушенныхъ, другихъ убитыхъ ударомъ волны въ

берегъ. Они составляютъ ежедневную пищу безчисленныхъ птицъ, различающихся ростомъ, крикомъ перьями. Въ часы отлива онѣ слетаются со всѣхъ сторонъ и принимаются усердно работать для себя и своихъ друзей, остающихся въ гнѣздѣ. Съ приближеніемъ прилива, онѣ тяжело снимаются и улетаютъ къ себѣ въ убѣжища, т. е. на крыши нашего дома, кедръ сада, сосны якуинскаго квартала, священныя рощи Бентана, холмы и болота окрестностей Йокогамы. Между ними я встрѣчаю космополита—воробья, который страшно суетится, охотясь за мухами, личинками, насѣкомыми, или тащитъ свою долю зеренъ, высыпавшихся изъ кулей, грузимыхъ на суда, гдѣ нибудь, по близости. Подъ крышею живетъ цѣлая колонія голубей, неизвѣстно откуда появившихся и пребывающихъ въ полной неизвѣстности. Воронъ, какъ кажется, принадлежитъ къ особой породѣ, свойственной Китаю и Японіи величина его средняя, а карканье отличается нѣсколько отъ европейскаго: въ немъ ясно отличаются два слога ка-ва, ка-ва, произносимые гортаннымъ крикомъ. Ворона, напротивъ, издаетъ какой-то жалобный звукъ, похожій на человѣческій голосъ. Свистъ орловъ и ястребовъ производитъ особенный эффектъ, сливаясь съ шумомъ волнъ и звуками эоловой арфы, подобіе которой слышится нерѣдко, когда морской вѣтеръ начинаетъ раскачивать высокія верхушки кедровъ. Всѣ крылатые гости Бентана чрезвычайно смѣлы: ястреба садятся на оконечность мачты въ павильонѣ или на крышу, гдѣ у нихъ находится, быть можетъ, какой нибудь тайникъ для склада морской рыбы. Голуби и вороны, собирающіеся въ аллеяхъ сада, не улетаютъ при моемъ приближеніи, но сторонятся пока я не пройду.

Что касается птицъ, которыхъ мы видимъ только издали, то между ними первое мѣсто принадлежитъ безчисленнымъ стаямъ чаекъ и рыболововъ, кружащихся вблизи судовъ или около кулей изъ рисовой соломы, выброшенныхъ въ море, по раздачѣ провизіи экипажу. Еще далѣе, въ тихихъ затокахъ морскаго рукава, отдѣляющаго насъ отъ деревни Канагава, противъ моихъ оконъ, плещутся стада дикихъ утокъ и гусей, отыскивающихъ кормъ въ тростникахъ. При закатѣ солнца, они снимаются и летятъ на ночлегъ въ отдаленные каналы рисовыхъ плантацій, описывая въ воздухѣ геометрическія фигуры. Усталая стая, молча совершаетъ путь, и только изрѣдко слышатся два или три протяжныхъ крика, похожихъ на команду начальника, подгоняющаго отсталыхъ солдатъ.

Между одиночными птицами, самая живописная—цапля, терпѣливо поджидающая добычи, съ глазами устремленными на прозрачную воду и корпусомъ уравновѣшеннымъ на одной ногѣ, между тѣмъ, какъ другая подогнута подъ крыло. Ослѣпительная бѣлизна ея перьевъ выдѣляется на темноватомъ фонѣ тростниковъ и высокихъ листьевъ кувшинки. Иногда она встрѣчается подъ навѣсомъ вѣтвей сосны или плакучей ивы, но всегда, какъ бы по инстинкту, ищетъ въ природѣ гармоніи, соответствующей меланхолическому ея настроенію.

Не менѣе поражающее впечатлѣніе производитъ журавль. Когда красивая птица эта показываетъ одна, чуть примѣтною точкою въ небѣ, потомъ величественно спускается на землю, ее можно принять за небснаго посланника. Вотъ почему народное воображеніе соединяетъ ея имя съ именемъ какого нибудь святаго или полубога, которыми такъ преисполнена японская мифологія, и представляетъ себѣ божества эти сидящими на спинѣ «тцури»,—туземное названіе журавля. Къ этому имени они прибавляютъ охотно эпитетъ «сама», какъ-будто бы дѣло идетъ о какомъ нибудь *kami* —божествѣ, существѣ сверхъ естественномъ: «О тцурисама» (его вельможность тцури)! Журавль раздѣляетъ вмѣстѣ съ черепахой честь быть у японцевъ символомъ долговѣчности и счастья, а счастье, по мнѣнію ихъ, заключается въ спокойствіи души и ясности разума.

Большинство японцевъ, живущихъ по берегамъ залива, ведетъ существованіе весьма сходное съ тѣмъ, какое я замѣтилъ у только-что описанныхъ птицъ.

Между тѣмъ какъ рыбаки проводятъ цѣлые дни вдали отъ берега, въ утлыхъ челнокахъ, гонимыхъ прихотью волнъ, подобно тысячамъ лапчатоногихъ, плавающихъ около нихъ,—на берегу снуютъ толпы женщинъ и дѣтей, собирающіеся при наступленіи приливовъ. Слѣдуя за волной, чуть не по пятамъ, они наперерывъ наполняютъ тростниковыя корзинки безъ разбору всѣмъ, что волна оставляетъ на берегу. Тутъ сваливаются и съѣдомыя морскія растенія, и устрицы, и ракушки, и ракообразныя всѣхъ видовъ. Крабы служатъ предметомъ самаго ожесточеннаго преслѣдованія, тѣмъ болѣе что эти забавныя существа имѣютъ способность двигаться съ изумительнымъ проворствомъ впередъ, назадъ, направо, налѣво, однимъ словомъ—по всѣмъ направленіямъ. Ихъ осаждаютъ въ послѣднихъ убѣжищахъ—камняхъ, подъ которые они забиваются,—съ помощью бамбуковой палки съ желѣзнымъ крюкомъ, которымъ камни эти переворачиваются. Странническія наклонности крабовъ нерѣдко заводили ихъ на ступеньки нашей террасы и даже на лѣстницу веранды. Разъ, вечеромъ мнѣ случилось повстрѣчаться съ однимъ изъ этихъ туристовъ въ моей комнатѣ: онъ прогуливался

по ней, и не безъ труда удалось мнѣ направить его на настоящій путь къ своимъ пенатамъ, или, говоря проще, въ садовый желобъ, примыкавшій къ морю.

Добрые люди, составляющіе приморское населеніе, привѣтствуютъ меня самымъ дружелюбнымъ образомъ. Дѣти приносятъ мнѣ жемчужныя раковины, женщины хлопчутъ какъ бы лучше объяснить кулинарныя свойства уродливыхъ маленькихъ чудовищъ, сваленныхъ грудю у нихъ въ корзинкахъ. Добродушіе и привѣтливость составляютъ основную черту характера всѣхъ низшихъ классовъ японскаго общества. Не разъ, прогуливаясь пѣшкомъ въ окрестностяхъ Нагасаки или Йокогамы, я былъ приглашаемъ деревенскими жителями войти въ палисадникъ передъ домомъ. Они показывали мнѣ лучшіе цвѣты своего сада, и, если замѣчали, что они мнѣ нравятся, срѣзывали самые красивые, составляли букетъ, и предлагали мнѣ. Напрасно старался я уговорить ихъ принять взаменъ какую-нибудь монету; они не только не соглашались, но не прежде отпускали меня, какъ угостивши, въ семейной комнатѣ, чаемъ и рисовыми пирожками.

Весна—самое привлекательное время для прогулки по берегамъ залива Іеддо. Если подняться на одну изъ окружающихъ его возвышенностей, то внутреннія земли, простирающіяся отъ подножія Фузи-яма, представляютъ рядъ лѣсистыхъ холмовъ и обработанныхъ долинъ, перерѣзанныхъ рѣками и лиманами, похожими издали на озера. На ихъ берегахъ притаились, въ густотѣ рощъ, деревни и фермы, окруженные садами: прохладныя, тѣнистыя тропинки такъ и манятъ васъ спуститься къ нимъ. Раннее развитіе растительности въ рисовыхъ плантаціяхъ и на вершинахъ воздѣланныхъ холмовъ, множество вѣчно зеленѣющихъ деревьевъ, которыя всюду бросаются въ глаза, сообщаютъ японской веснѣ строгій колоритъ, не повторяющійся ни въ одной мѣстности, лежащей подъ тѣми же градусами. И, несмотря на то, напрасно вздумали бы искать гдѣ нибудь болѣе роскошнаго цвѣтенія, болѣе веселой и богатой граціозными деталями весенней растительности. Среди темной листвы сосенъ, елей, кедровъ, кипарисовъ, лавровъ, зеленыхъ дубовъ, бамбуковъ, составляющихъ фонъ пейзажа рисуются клумбы самыхъ свѣжихъ листьевъ и яркихъ цвѣтовъ вдоль палисадниковъ, въ огородахъ и вокругъ деревень. Здѣсь широкіе бѣлые листья дикой шелковицы, тамъ камелии, растущія въ поляхъ и достигающія высоты нашихъ яблонь, далѣе вишня, слива, персиковое дерево, цвѣтущія двойнымъ цвѣтомъ, иныя совершенно бѣлымъ, другія ярко-краснымъ, третьи и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Японцы, вообще чрезвычайно равнодушные къ сбору плодовъ, занимаются прививкой и уходомъ за деревьями, единственно съ цѣлью получить двойные цвѣты, а также разнообразить и соединять различныя виды этихъ послѣднихъ. Бамбукъ, употребляемый часто вмѣсто подпоры, подставляетъ свои красивыя листья разцвѣтающимъ почкамъ и побѣгамъ молодыхъ фруктовыхъ деревьевъ. Но я лучше люблю его видѣть, когда онъ растетъ въ отдѣльныхъ группахъ снопами гигантскихъ тростниковъ. Для пейзажа нѣтъ ничего живописнѣе этихъ высокихъ, зеленыхъ, блестящихъ стволовъ, съ золотистыми отгѣнками и густой махровой верхушкой, а вокругъ главныхъ колоннъ—отдѣльные тонкіе и гибкіе стебли съ кудрявистой головкой и вездѣ безчисленное множество длинныхъ листьевъ, развѣвающихся по вѣтру, подобно тысячамъ струящихся въ воздухѣ флаговъ. Бамбуковыя рощи составляютъ любимый этюдъ японскихъ живописцевъ. Они или стараются воспроизвести граціозныя линіи и гармоническіе эффекты растенія, или оживляютъ эту картину изображеніемъ кого-нибудь изъ посѣтителей этихъ зеленѣющихъ пріютовъ: нѣжную стрекозу, бабочку, маленькихъ птичекъ, а далѣе въ густо заросшей, темнолиственной массѣ—куницу, бѣлку и коричневую обезьяну съ красной мордочкой.

Дорожки окоймяются фіалками, которыя впрочемъ не имѣютъ запаха. Вообще въ странѣ мало душистыхъ растеній. Замѣчательно также, что здѣсь чрезвычайно рѣдко встрѣчаются жаворонокъ, соловей или другая какая нибудь пѣвчая птица. Легко можетъ быть, что отсутствіе запаха и пѣнія среди богатства растительной и животной жизни японскихъ полей, не мало способствуетъ къ уменьшенію эффекта, производимаго ими на воображеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что, созерцая ихъ, не чувствуешь въ душѣ той нѣжности и мечтательной восторженности, какую возбуждаетъ въ Европѣ видъ пробуждающейся природы. Притомъ же, не разбирая въ какой мѣрѣ чувствительность наша питается воспоминаніями дѣтства и наслѣдственными идеями, которыя не могутъ имѣть ни малѣйшаго приложенія на крайнемъ Востокѣ, я полагаю, что есть еще одно обстоятельство, охлаждающее тутъ энтузіазмъ,—именно черезъ-чуръ обработанная и воздѣланная природа. За исключеніемъ строевыхъ лѣсовъ и разсадниковъ молодыхъ деревьевъ, которые содержатся правительствомъ съ самой похвальной заботливостью, вся остальная почва занята земледѣліемъ. Я не могу объ этомъ дать болѣе точнаго понятія, какъ описавши долину, въ окрестностяхъ залива Іедо.

У насъ едва апрѣль мѣсяцъ, а опушки лѣсовъ окоймлены полями сарочинскаго пшена, находящагося въ полномъ цвѣтѣ. Немного пониже дозрѣваютъ ячмень и пшеница, засѣянные въ ноябрѣ, и недѣли черезъ четыре упадутъ подъ серпомъ жнецовъ. Рожь засѣвается въ Японіи такъ, какъ у насъ въ Европѣ картофель, то есть на правильныхъ, выровненныхъ грядкахъ, между параллельными бороздками которыхъ оставляется небольшое пространство. На этихъ промежуткахъ уже появляются всходы бобовъ: не далѣе какъ по уборкѣ хлѣба, они будутъ готовы къ сбору. Эта зеленѣющая лужайка, которую легко принять за молодые всходы ржи, не болѣе не менѣе какъ поле съ просомъ, засѣяннымъ въ мартѣ и посѣваемымъ къ сентябрю. Просо употребляется туземцами въ пищу гораздо больше чѣмъ пшеница. Они толкутъ изъ нея муку и готовятъ пирожки или похлебку. На сѣйдней равнинѣ поселянинъ пашетъ землю съ помощью сохи, запряженной одною лошадыю. Въ плодородную почву онъ броситъ сѣмена хлопчатника, и каждое зерно дастъ, въ сентябрѣ или октябрѣ, растеніе въ два или три фута высотой, увѣчанное двадцатью зрѣлыми маковками. Нѣсколько бѣлыхъ птицъ изъ семейства голенастыхъ, аистовыхъ или журавлиныхъ, какъ будто работаютъ за одно съ земледѣльцемъ: они важно слѣдуютъ за нимъ и, запуская длинный клювъ въ развороченную землю, истребляютъ личинки, вырытыя остриемъ сохи.

Главная часть долины находится подъ рисовыми плантаціями. Ихъ затопили, съ мѣсяцъ тому назадъ, спуская шлюзы ирригаціонныхъ каналовъ. Въ этомъ состояніи почва взрывается сохою и раздавливается ногами буйволовъ и рабочихъ. Послѣдніе, входя по колѣна въ жидкую грязь мѣсятъ ее и разбиваютъ затвердѣлыя груды ударами лопатки. Когда земля превратится въ жидкое тѣсто, мужчины и женщины идутъ гуськомъ вдоль плотинъ и бросаютъ горстями сѣмена на разбитые четырехугольниками разсадники пловатой грязи. Чтобы разровнять и зарыть зерна, проходятъ по разсадникамъ потомъ бороною. Теперь вода сбѣжала; на разсадникахъ показались густые всходы риса. Стебельки эти вырываются съ корнемъ, потомъ тщательно пересаживаются, правильно расположенными кустиками и на ровныхъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ, въ рыхлую почву большихъ квадратныхъ грядъ, которыя до тѣхъ поръ оставались въ бездѣйствіи. Здѣсь именно долженъ расти и созрѣвать рисъ до самой жатвы, начинающейся обыкновенно въ октябрѣ. Въ теченіе всего этого времени, самымъ опаснымъ врагомъ его являются маленькія птички, съ бѣловато-рыжими перьями, которыя спускаются какъ градъ на стебли, обремененные зерномъ, разсыпаютъ ихъ на землю, потомъ бросаются грабить эту добычу съ жаднымъ крикомъ и радостнымъ хлопаніемъ крылышекъ. Конечно картина эта имѣетъ много прелести для безучастнаго наблюдателя, но въ хозяйнѣ поле она возбуждаетъ интересъ совсѣмъ другаго рода. Онъ выбивается изъ силъ, придумывая всевозможныя пугала, которыя ставитъ на наиболѣе угрожаемыхъ пунктахъ: тутъ и бамбуковыя рогатки, поставленныя въ видѣ крыльевъ вѣтряной мельницы, и крестъ, обернутый тростникомъ и прикрытый соломЕННОЙ шляпой, и чучело, назначенное изображать собою человѣка, натягивающаго лукъ и при готовившагося спустить стрѣлу. Но все это, какъ кажется, не оказываетъ ни малѣйшаго нравственнаго дѣйствія на птицъ, потому что понадобились болѣе дѣйствительныя мѣры. Вбиваютъ жерди и къ нимъ прикрѣпляется сѣтка изъ соломенныхъ веревочекъ, которая и натягивается поверхъ рисоваго поля; къ этому необходимо еще приспособленіе, изъ того же матеріала, въ видѣ движущихся хлопучекъ. Защита, конечно дѣйствительная, но ее нужно поддерживать въ постоянномъ движеніи. Эта работа возлагается обыкновенно на мальчика, который обязанъ по цѣлымъ днямъ, если нѣтъ вѣтра, дергать за веревочку и приводить въ движеніе сѣтку, прикрывающую поле. Если края плантаціи не довольно высоки, чтобы представлять для мальчика приличный наблюдательный постъ, то для него устраиваютъ воздушную будку, на четырехъ бамбуковыхъ палкахъ, подъ небольшою тростниковой крышей.

Въ Японіи есть нѣсколько сортовъ риса. Тотъ, который растетъ въ долинахъ, цѣнится дороже; растущій на холмахъ не имѣетъ надобности оставаться такъ долго подъ водою, какъ первый. Впрочемъ, я видѣлъ какъ его подвергали весною ирригаціонному орошенію, стоившему чрезвычайно сложной работы: на ближайшихъ и командующихъ надъ холмомъ возвышеніяхъ приходилось устраивать резервуары и отъ нихъ проводить каналы ко всѣмъ террасамъ, подготовленнымъ къ посѣву риса.

Плодопеременная система ведется съ незапамятныхъ временъ въ Японіи. Терраса, засѣянная просомъ, пойдетъ съ будущей осени подъ пшеницу или просо. Японцы могутъ еще разчищать, тамъ-сямъ, на гористыхъ мѣстахъ, новыя пространства для земледѣлія, но никогда не оставляютъ хатной земли подъ паромъ.

Чайный кустарникъ, въ нашихъ окрестностяхъ, не составляетъ предмета сельско-хозяйственной обработки. Хотя онъ и встрѣчается здѣсь иной разъ въ благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, но настоящее мѣстороженіе и районъ чая находится на нѣсколько дней пути къ сѣверу отъ залива.

Мы гораздо ближе къ округамъ, производящимъ шелкъ, и найдись въ нашемъ сосѣдствѣ свободное мѣсто подъ шелковичныя плантаціи, эта отрасль промышленности развилась бы немедленно и у насъ. Мнѣ вообще кажется, что жители, которыми я окруженъ, а можетъ быть и всѣ остальные вдоль южныхъ береговъ Нипона предоставляютъ внутреннему населенію производство такихъ предметовъ, которые требуютъ значительной промышленной обработки, каковы напр. шелкъ, чай и даже хлопчатая бумага, не особенно обильная на нашихъ берегахъ. Рабочій людъ занимается здѣсь или рыбной ловлей и водяной транспортировкой, или собственно сельскимъ хозяйствомъ, т. е. посѣвомъ хлѣбныхъ растений, кормовыхъ и маслогонныхъ травъ, садоводствомъ, обработкою пеньки, сала тростника и бамбука.

Среди сельскаго населенія, покорнаго и веселаго, среди плодородныхъ долинъ, прилегающихъ къ заливу Тедо, часто встрѣчаются люди болѣе мужественной расы, видъ которыхъ, хотя и добродушный, вмѣстѣ съ тѣмъ обличаетъ нѣкоторую независимость характера или образа жизни. Это горцы, то-есть жители горной цѣпи Акони, у подошвы Фузи-Йяма. Они спускаются въ долину по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ: одни для добыванія и сплава мачтового и строеваго лѣса, другіе для продажи древеснаго угля, третьи для перевозки товаровъ на своихъ лошадяхъ изъ внутреннимъ провинцій въ тотъ или другой портъ залива, или для буксированія канатомъ барокъ, по каналамъ, прорытымъ ради удобства внутренней навигаціи. Наконецъ, между ними набирается привилегированное племя охотниковъ и часть линейныхъ войскъ тайкуна, вооруженная недавно нарѣзными европейскими ружьями. Къ несчастію, родина этихъ проходимцевъ совершенно недоступна для иностранныхъ путешественниковъ. Если вѣрить рассказамъ туземцевъ, то въ ней встрѣчаются, какъ въ рудокопной полосѣ Калифорніи, остатки громаднхъ построекъ мостовъ, водопроводовъ, плотинъ, невольно поражающихъ воображеніе, когда станешь ихъ сравнивать съ тѣми несовершенными орудіями, какими они были выполнены.

Правда, сырыя произведенія доставляютъ здѣсь такіе ресурсы, какихъ въ нашихъ климатахъ не встрѣчается. Напримѣръ, бамбукъ даетъ при гидравлическихъ работахъ натуральные проводники, не уступающіе достоинствамъ лучшимъ произведеніямъ новѣйшей индустріи. При наведеніи висячихъ мостовъ, его же употребляютъ вмѣсто проволоки. Въ горахъ Кіузіу есть мостъ, переброшенный со скалы на скалу, черезъ глубокую пропасть, съ помощью висячей лѣстницы, которая состоитъ изъ толстыхъ обрубовъ бамбука, выровненныхъ и расположенныхъ рядами въ длину. Японцы умѣютъ прокладывать въ болотистыхъ мѣстахъ тростниковыя фашинныя гати, прикрытыя сверху досками. На широкихъ рѣкахъ переправа производится по мостамъ на бочкахъ, переложенныхъ фашинами и скрѣпленныхъ соломенными бичевками. Обрывистые рвы переходятъ по веревочному мосту и даже по канату, вдоль котораго скользятъ родъ воздушнаго паромъ.

Въ Японіи правительство содержитъ отъ себя только одинъ путь сообщенія—большую военную дорогу Токаидо, а потому поселяне, принужденные довольствоваться собственными силами, соперничаютъ выдумками, какъ бы проложить и содержать, какъ можно дешевле, необходимыя дороги. Отсюда является безконечное разнообразіе путей и средствъ сообщенія сухимъ путемъ и водою, которыя употребляются японцами. Одно изъ самыхъ курьезныхъ средствъ для переправы представляетъ приборъ, употребляемый женщинами во время обработки риса, когда приходится переправляться черезъ затопленные поля. Четыре кадушки привязываются къ бревнамъ, положеннымъ на крестъ, и въ нихъ кладется столько провизіи и садится столько человѣкъ, сколько эта оригинальная машина можетъ выдержать, послѣ того двое изъ пассажировъ гребутъ, отталкиваясь баграми.

Та же самая практическая смѣтка, умѣющая извлекать пользу изъ самыхъ простыхъ средствъ, самыхъ первобытныхъ инструментовъ, самыхъ элементарныхъ способовъ, обнаруживается въ равной мѣрѣ въ каждомъ искусствѣ или ремеслѣ, какимъ японцы занимаются.

Отъ нашего вниманія ускользаетъ самая важная сторона японской жизни. Мы видимъ ее только отчасти во время полевыхъ работъ поселянъ. Но верфи, мастерскія, фабрики, всѣ эти плоды оригинальной и самобытной цивилизаціи народа, сберегаются тщательно отъ европейскихъ взоровъ полицейскими правами подозрительнаго правительства. А между тѣмъ, настанетъ же время, когда и въ этомъ отношеніи Японія сдѣлается доступною научнымъ изслѣдованіямъ.